

Знаменатель

Автор:

[Оксана Алексеева](#)

Знаменатель

Оксана Алексеева

Система появляется в момент рождения и состоит из шести элементов: Осознание, Память, Логика, Эмпатия, Агрессия, Умиротворение. Но Знаменателем станет только один. Логика имеет все шансы просчитать, кто доберется до нее первым. А на что вообще способен человек, если у него появляется шанс стать полубогом?

Оксана Алексеева

Знаменатель

Глава 1. Система

Агрессия – самый физически сильный элемент Системы. Отличается автоматичностью поведения, неадекватностью оценки собственных и чужих действий. В обычной жизни выглядит излишне озлобленным и неконтролируемым. Склонен к насилию. Из-за характерных особенностей обычно погибает одним из первых.

Умиротворение – самый физически слабый элемент Системы. Пассивный созерцатель. Часто религиозен и замкнут. Не способен сопротивляться внешнему воздействию, поскольку не видит в этом смысла. Возможны

суицидальные наклонности. Потенциальная жертва преступников. Из-за характерных особенностей обычно погибает одним из первых.

* * *

Всегда подозревала, что я сумасшедшая. Только логика подсказывала, что об этом лучше не распространяться. Теперь же считаю, что шизофреников куда больше, чем заявлено в официальной статистике, только самые умные из них делают все возможное, чтобы окружающие об этом не догадывались. А может быть, нормальных людей не существует вовсе. Изучи и соблюдай правила социума, оправдывай ожидания – и вуаля! – ты будешь признан образцом нормальности.

Однако у меня это осознание обозначилось чуть позже, чем возникла необходимость. Первый странный эпизод произошел еще в раннем детстве, когда я ни с того ни с сего набросилась на отца. Он пожурил меня за какую-то проделку, а ведь для детей любое ограничение – катастрофа. В общем, в моем тогда еще неокрепшем уме от такой несправедливости что-то перемкнуло. Я кинулась на отца и стала его бить. Он растерялся, да и подобной силищи в шестилетнем ребенке не ожидал. Самое смешное, что о произошедшем родители мне потом рассказали – сама я ни черта не помнила. Они же назвали это аффектом, не поднимая больше неприятную тему, – посторонних не посвящали, ну а сломанная папина рука зажила. Наверное, именно родители и заронили в меня мысль, что о странностях лучше лишний раз не упоминать. Этот урок я усвоила задолго до того, как ненормальности начались в полном смысле слова.

Подобные приступы агрессии не повторялись, и неприятный момент из моего детства благополучно забыли. Вспомнила я о нем гораздо позже, когда мне было уже шестнадцать. Соврала родителям, что заночую у подружки, а сама прекрасно провела вечер в компании этой девчонки и еще десятка веселых ребят. Немного пива и гитара в приятном обществе делают времяпрепровождение волшебным – в такие вечера легко влюбляться и творить глупости. Подруга умудрилась совместить то и другое, поэтому неожиданно для меня исчезла без обратной связи в темноте с бойфрендом-новобранцем. Потому-то мне пришлось посреди ночи возвращаться домой, сочиняя на ходу для родителей причину отмененной ночевки.

Оказалось, что пятница в тот день приключилась не только с нами, но и с другими людьми, для которых немного пива и гитара – недостаточные атрибуты веселья. На таких-то двух молодчиков я и нарвалась, когда пыталась побыстрее миновать уже темный парк. Сначала они увязались за мной, а когда я, сознавая возможные последствия, побежала – догнали. После чего последствия в самом негативном смысле были уже очевидны. Мужики успели утащить меня подальше от освещенного места, два раза треснуть по лицу, чтобы перестала орать, и принялись усердно «ухаживать». Я поначалу оцепенела от ужаса. Вот везде пишут о поведении жертв – мол, сопротивляйся. Видимо, пишут это только те, кто ни разу в такой ситуации не оказывался! Там не то что сопротивляться, даже дышать толком не можешь, а от страха конечности перестают слушаться. И в тот момент, когда окаменевший мозг уже почти смирился с неизбежным, в него снова будто бес вселился.

Но на этот раз я все помнила. Помнила, как вцепилась зубами в плечо неудачливого насильника и вырвала кусок ткани с мясом. Выплюнула. Он кричал так забавно, что мне захотелось смеяться. Второй опешил – и заминка ему стоила парочки ребер. Тогда я ничему не удивлялась, только радовалась, что нога так уверенно пинает в самую нужную точку, что руки непроизвольно сжимаются в кулаки. Одному удалось убежать, тогда я принялась бить второго и делала это, пока не устала. Лишь потом выпрямилась и пошла своей дорогой, даже не задумываясь о том, остался ли он жив.

Чуть позже меня отпустило и снова накрыло страхом. Разбитые костяшки ныли, правую ногу заметно тянуло. И все равно я радовалась бесу, который в этот вечер пришелся очень кстати. А кто бы на моем месте не радовался? По пути домой завернула в кафешку, там, в туалете, смыла с рук и обуви кровь, поправила юбку, улыбнулась отражению и отправилась жить дальше.

После того случая я уже не могла не задумываться о своем безумии. И хотя оно пришло мне на выручку, сама его природа пугала. Однако утешала мысль, что настигает оно меня только в случае крайнего стресса – а если так, то все терпимо. Больше я в такие ситуации не попадала, потому и жестокость не проявлялась.

Увы, сумасшествие мое заключалось не только во всплесках агрессии. Еще были сны. И если уж об очевидных странностях посторонним лучше не говорить, то упоминать о снах – верх тупости. В первом таком сне умер Чон Со.

Случилось это через несколько месяцев после нападения в парке. Но сон оказался даже пострашнее тогдашней реальности. На этот раз я потеряла нечто по-настоящему ценное. Любимого человека. Не видела его раньше, не знала его лица, но полюбила сразу, как только встретила во сне.

Чон Со не везло с самого рождения, начиная с того момента, когда он явился в мир из утробы матери-наркоманки в беднейшем районе Сеула. Он не был ни плохим, ни хорошим ребенком – он выживал. И не дотянул бы до наших семнадцати лет, не будучи таким агрессивным. Когда я впервые увидела его в драке, то сразу поняла: Чон Со и был злым бесом, который спас меня. Выдуманный мальчик, который в страшный момент пришел на помощь, а дальше действовал так, как привык. Он был молчалив, бил, вместо того чтобы вести пустые разговоры. Чон Со не задумывался о нравственности своих поступков, да и жил в такой среде, где по этому поводу некогда переживать. Зато у него были свои понятия о справедливости. Первого человека он убил в двенадцать – мелкого наркодилера, который любил изощренно наказывать уличных шестерок. И после этого Чон Со уже не сдерживался. Возможно, он был рожден для чего-то подобного, оттого и чувствовал полное удовлетворение только тогда, когда противник захлебывался кровью. Чон Со не был злым – он сам по себе являлся злостью.

Я наблюдала за основными событиями его жизни, но не оценивала их. Несложно было догадаться, что Чон Со до преклонных лет вряд ли дотянет. Так и случилось, закономерно, но от этого не менее печально. Когда его запинывали, когда забивали до смерти арматурой, я не чувствовала физической боли, но рыдала, словно умирала сама. А потом проснулась, но продолжала реветь, оплакивая незнакомого паренька из незнакомого Сеула. Будто в реальности, а не во сне потеряла родного человека, пусть и заслужившего свою участь.

И уже наутро я почувствовала изменения. Если раньше приступы агрессии включались только дважды, то теперь меня словно разрывало изнутри яростью. Отца, который предложил подвезти до школы, вдруг захотелось ударить кулаком в челюсть. А когда мать явилась на кухню и запричитала, что я мало ем, меня затрясло. Нет, я не вознамерилась никого убить, мне лишь было нужно, чтобы они заткнулись. Чтобы не лезли с советами туда, куда не просили! Я выскочила из-за стола и под недоуменными взглядами родных заставила себя убежать подальше от раздражающих нравочений.

В своей комнате попыталась обдумать произошедшее, я всегда гордилась рациональностью своего ума. Для этого раздражения не нашлось ни одной стоящей причины, а для подросткового гормонального всплеска уже было позновато. Во мне кипела чистая злость: беспричинная, но всепоглощающая. Как у Чон Со. Словно я отдавала дань его смерти, переняв на время характер. Тогда мне едва исполнилось семнадцать, но мозги были на месте, поэтому я умело разделяла логичные и нелогичные поступки. И приняла единственно верное решение: держать себя в руках.

Но злило меня теперь буквально все. Я пнула дворовую собаку с такой силой, что она, завизжав, откатилась в кусты. Жестокость не вязалась с моим характером, до этого дня я просто не умела так ненавидеть. Но теперь научилась. Всех! Бабка в троллейбусе получила порцию оскорблений за то, что взглянула на меня, учителя диву давались, с чего вдруг я огрызаюсь в ответ на каждую мелочь. Мне легче было молчать, чем открывать рот и не говорить гадости. Вернувшись домой, я избила подушку до перьев: легче не стало, но хотя бы измоталась физически.

Так и жила. Понимая, что рано или поздно сорвусь. Вся сила воли уходила на то, чтобы не взять нож и не отправиться в гости к вечно недовольной соседке. Та годами изводила подъезд, но люди предпочитали не связываться с брюзгой. А у меня в голове все чаще мелькала мысль, что пора поставить ее на место. Если выживет, то уже не посмеет бросить кому-нибудь вслед свои ядовитые окрики. Теперь я стала не просто злостью – я превращалась в справедливость с кулаками. И чувствовала достаточную силу и решимость, чтобы сделать мир лучше.

Это были два месяца ада, за которые я успела сменить четыре подушки, разругаться с друзьями и родителями, ухудшить положение в школе. Мама однажды осторожно подняла вопрос о психологе. И как я не задушила ее после этого? Ошеломительный самоконтроль! Но ад становился все темнее. Я уже едва держалась, зацепившись пальцами за край бездны. И только постоянный самоанализ помогал избежать непоправимого.

Но ад неожиданно закончился, когда в моем сне умерла прекрасная Лия. Ее лица я тоже не разглядела, но сразу полюбила. Лия страдала острой формой аутизма, поэтому все люди снаружи попросту не знали, что внутри у нее целая вселенная. Любящие родители неустанно пытались вытащить ее из себя, оттого детство та провела в обществе психиатров, но никакого положительного эффекта не

воспоследовало. Лие был нужен только покой. Она могла десять часов кряду рассматривать край занавески и восхищаться сложностью плетения нитей, однако все вокруг это считали отклонением. На самом же деле Лия выстроила внутри такой совершенный мир, что не могла заставить себя нарушать его гармонию ненужными словами или действиями. И чем старше Лия становилась, тем крепче убеждалась, что права она, а не все остальные. Это они не видят полной гармонии, царящей вокруг. Это они наводят суету там, где без вмешательства была бы идиллия. Год назад Лия перестала разговаривать, а потом и вообще реагировать на людей. Ей казалось, это лучший способ спрятаться от назойливого внимания и продолжить созерцать мир без помех. Но выяснилось, что после этого ее отправят в клинику на интенсивный курс, и все станет гораздо хуже, чем прежде. Они сами вынудили бедняжку украсть у медсестры таблетки и покончить с затянувшейся суетой.

Смерть Лии я тоже оплакивала. Существа прекраснее я представить не могла и не встречала никого, кто был бы таким же совершенным. Она являла собой самодостаточность, заключенную в границах одного тела. А остальные понять этого так и не смогли.

А как только слезы по ней высохли, ощутила, что стало легче дышать. Уже привычная ярость сменилась умиротворением. Нет, Чон Со во мне никуда не исчез, но теперь, в присутствии Лии, вел себя сдержаннее. Я облегченно рассмеялась – и на то были причины! Теперь во мне будто жили два посторонних человека: Чон Со, который мог постоять за себя, и которому было под силу все на свете, и Лия, озаряющая меня изнутри гармонией, мудростью и умиротворением. А еще пришло понимание: сами по себе они были обречены, и только соединившись во мне, уравновесились. Теперь мерзкая соседка виделась такой же мерзкой, но сразу заслужила право быть такой, как ей заблагорассудится.

Следующие два месяца ушли на восстановление утерянных связей и репутации. Все-таки семнадцать лет – хороший возраст для тех, у кого внезапно меняются модели поведения: взрослые быстро находят объяснения, а ровесники еще быстрее забывают обиды.

Но оказалось, это всего лишь начало, хотя очередная странность всплыла только в выпускном классе. Я училась неплохо, а по некоторым предметам считалась лучшей, но вот английский язык мне был неподвластен. Учительница нам попалась принципиальная и справедливая – к концу года она собрала

отстающих и предложила сдать своеобразный экзамен, чтобы исправить оценки. Последняя, как она выразилась, возможность улучшить средний балл в аттестате. На самом деле, это был акт милосердия, например, для меня, для кого эта единственная тройка была лишней. Я усердно готовилась: зазубривала короткие опусы по списку, даже не пытаюсь вникнуть в их суть. И надеялась, что получу утешительный приз хотя бы за старание.

В итоге так переволновалась, что на экзамене и русский подзабыла. Учительница, уловив мое состояние, поддержала и предложила не спешить. Но это не помогло – я занервничала еще сильнее. И после этого начала отвечать.

О, я выдала подробный рассказ на тему «The Best Film I Have Ever Seen[1 - The Best Film I Have Ever Seen (англ.) – Лучший фильм из тех, что я видел.]», припомнив пару десятков виденных фильмов и разбавив пространными рассуждениями о тенденциях в мировом кинематографе. Без запинки, только успевая подумать, о чем сказать, я находила нужные слова и правильные речевые обороты. Это был прекрасный ответ! Возможно, лучший из тех, что звучали в стенах нашей школы. Если бы он не был на французском.

Учительница только хлопала глазами и все шире открывала рот. Она же, вторым языком которой в институте был как раз французский, уведомила меня, что с таким произношением я спокойно могу французской армией командовать, но издеваться над ней не лучшая стратегия. Из последнего она сделала вывод, что я просуществую и с тройкой по английскому. А с такой наглостью вообще не пропаду.

Эту сцену случайные свидетели мусолили еще долго, но внятных объяснений от меня так и не добились. Какой-то олух, успевший заснять эпическое выступление на телефон, даже вывалил видео в интернет. Терпеть не могу людей, которые лезут не в свое дело! И даже не знаю, пришла ко мне эта черта вместе с Чон Со, или я всегда была такой – к тому моменту я уже не помнила свой изначальный характер без последствий странных снов. К счастью, выпуск был не за горами, потому и терпеть пришлось недолго.

Поступила я туда, куда и мечтала, на физико-математический факультет. И наконец-то оказалась в среде людей, которые мыслили похожим образом. Тут словно на входе стоял фильтр против идиотов. И никому не было дела до твоего знания английского и до того, сможешь ли ты по памяти цитировать Булгакова. Другие критерии оценки знаний, которые мне подходили. Конечно, сразу же

появились и друзья, и приятные собеседники. Среди них со временем обозначился один, с которым мы с тех пор неразлучны.

Сейчас, на третьем курсе, я могла бы назвать Даниила Романова самым близким другом. Парень был уникалом, поэтому оставалось только недоумевать, каким образом он нашел во мне то, что я находила в нем. Невероятно умный – по некоторым дисциплинам зашкаливающе умный, – но при этом не имеющий проблем и с гуманитарными науками, что для нашего антигуманитарного коллектива выглядело нонсенсом. Короче, гений. Но при этом простой, веселый, без капли высокомерия. Дипломат с сильным характером – он всегда выступал в роли арбитра при любых конфликтах. Даня не мог пройти мимо несправедливости, считал своим личным делом, если вдруг видел, что у кого-то, даже незнакомого, возникали проблемы. Потому его имя было известно всем студентам вуза, независимо от факультета.

Но даже такие замечательные люди в ком-то вызывают недовольство – так устроено общество. Уже на первом курсе Даниил ввязался в драку, заступаясь за дрыщеватого новичка. Обидчики того потом впятером встретили моего друга на выходе из института и потащили за угол. Я же поначалу растерялась, но бросилась следом – Чон Со во мне был уверен, что справится со всеми пятерыми. Но к тому времени, когда я подросла, противники Даньки уже валялись на земле, а он поправлял рубашку. И был при этом спокойным: никакой эйфории или радости от победы, как это когда-то было со мной. Да никто из них особо и не пострадал. Даня, насколько я могла судить, просто обозначил парням их место – и если те не полезут это утверждение перепроверять, то и он к ним никаких претензий иметь не будет.

Говорю же, гений во всем! Я бы не удивилась, узнав, что по ночам он переодевается в кожаные штанишки и бежит спасать город. Для того у него все было в наличии: и сила, и ум, и, что самое важное, равнодушие и умение вовремя остановиться.

Мы много времени проводили вместе, всегда находя темы для разговоров. Даня приехал в Москву из небольшого городка, где остались его родители, но успел поколесить по миру. Судя по этому и, конечно, по стоимости его квартиры, семья его была ого-го какая состоятельная. Не то что моя. Но для Даниила и социальные статусы не имели значения.

Многие, в том числе и мои родители, так и ждали, когда же мы начнем встречаться. Но нас обоих устраивало текущее положение дел. Наоборот, мы встречались с другими и со смехом делились впечатлениями. У меня за три года промелькнули два серьезных и четыре несерьезных романа, у Даньки меньше. Он был весьма симпатичным: светлые волосы, серые глаза и всегда готовое к улыбке лицо. Но внешность его не имела большого значения на фоне остальных достоинств. Такой человек обречен вызывать восхищение, даже если не считается красавчиком. Поэтому девочки обращали на него внимание в первую очередь именно из-за ума и характера. И по большей части представляли собой серых мышек. Общеизвестные красавицы, наоборот, держались в стороне, будто подсознательно чувствуя, что Даниила Романова одним фантиком не взять. Не скажу точно, но подозреваю, что Данька в период серьезных отношений не искал. А с невзрачными, но умными мышками иначе невозможно. Потому и перебивался однодневными романами, благо столичная ночная жизнь располагает.

Мы отлично ладили, поэтому рано или поздно должна была зародиться идея, что между нами допустима не только дружба. Мы просто не пробовали. Возможно, потом, когда оба насытимся эмоциями молодости, рассмотрим и этот вариант. То-то мои родители будут довольны! Но подобный вопрос должен поднять именно Данька, показав, что он и сам видит во мне достойную. Пока же я чувствовала, что не дотягиваю до него по всем пунктам, потому была только рада, что не испытываю влюбленности или ревности. Лучше уж иметь в настоящем такого друга, чем в прошлом любимого парня.

Учеба на старших курсах становилась только интереснее, но и расслабленность уже ощущалась. Например, не зазорно было с чистой совестью проспять первую пару, что я в тот день, когда начались основные события моей жизни, и сделала. Однако уже в институтском холле пожалела об этом. Столкнулась там с Ксюшей, и она по привычке выдала последние новости:

– Вик, ну ты нашла время пары пропускать! Да не-е, не бледней, препод на лекции не отмечал! Но у нас же новенький! Перевелся откуда-то.

– И что? – я на самом деле не понимала пока причины феерии.

– Немец! Прикинь?

- И что? - с Ксюшей только так и можно разговаривать.

- Штефан зовут! Прикинь?

- И что? - вот тут я уже могла с уверенностью сказать, что это влияние Лии. Без ее умиротворения я бы уже отвесила Ксюше подзатыльник, чтобы ускорить процесс.

- Не психуй, а слушай! Он такой... суровый, нелюдимый, но по-русски шпрехает идеально! Прикинь? И классный, как логарифм, разложенный в ряд Тейлора! Прямо вызывает желание его тоже разложить...

В аудиторию я вошла посмеиваясь. Направилась к парте, где уже сидел Даня, но взглядом новое лицо все же выцепила. И споткнулась.

Где-то читала, что человек влюбляется за двенадцать сотых секунды. А только потом осознает. Я уложилась в восемь сотых вместе с осознанием. Ксюша не сильно преувеличила про «разложить», но за восемь сотых секунды мозг вряд ли способен выстроить настолько далеко идущие планы. Парень посмотрел на меня пристально и уверенно, но при этом расслабленной позы не изменил. Бледный, но волосы темные, отчего создается зрительный контраст - такие лица обычно и бросаются в глаза.

- Под ноги смотри. Почему ты пропускаешь пары?

Я вперила в него ошарашенный взгляд, потому что вопрос для впервые встретившихся людей был совсем уж неуместный. Акцент слышался отчетливо, хотя слова он произносил правильно. Я не нашлась с ответом и добралась до своего места, всей душой надеясь, что щеки не слишком покраснели.

- Этот новичок... очень странный, - тихо поделилась я с лучшим другом впечатлениями.

- Странный, - ответил Данька, тоже не отводя взгляда от темного затылка. - И он мне не нравится.

Я с удивлением посмотрела на него – на моей памяти Даниил Романов ни разу не говорил так о людях. Он вмешивался в несправедливости, но никакой оценки злодеям не давал. Ни разу! Потому даже «он мне не нравится» прозвучало необычно.

Благодаря вездесущим сплетням к концу дня удалось кое-что выведать. Штефан Беренд перевелся к нам откуда-то извне – в подробностях даже прожженные шпионы пока терялись. Его оценки были ниже среднего, учился на платном. Родители то ли сотрудники посольства, то ли иммигранты, поэтому почти безупречный русский легко объяснялся. Вел себя дерзко, почти по-хамски – все, решившиеся заговорить с ним, получили порцию холодного сарказма. Моя влюбленность. Симпатичный парень, но не блещет интеллектом, высокомерный и. Такие, кроме внешности, ничем заинтересовать не способны.

После пятой пары новичок неожиданно подошел ко мне:

– Я провожу тебя.

– Зачем? – удивление было закономерным. Хотя моя каждый раз, когда я смотрела на него.

– Познакомимся.

Но теперь ему ответил Даня:

– Ты кто? – в его тоне и самой постановке вопроса было слишком много странного.

И Штефан ответил моему другу абсолютно серьезно:

– Меня больше интересует, кто ты? И зачем ты тут?

Полный идиотизм! Новичок спрашивает у студента, который в этой группе с первого курса числится: «Зачем ты тут?» Видимо, с мозгами у совсем беда. Поэтому я не сопротивлялась, когда Данька схватил меня за руку и потащил на выход. Только разочарованно вздохнула. Это ж надо было уродиться с такой симпатичной рожицей и не прокачать остальные скиллы!

Глава 2. Осознание и Логика

Осознание – элемент, который уже в детстве понимает свое предназначение, знает Цель Системы и чувствует остальные элементы. После полного самоопределения Осознание начинает стремиться к Цели. Отличается тем, что игнорирует вторичные задачи, потому в любых взаимодействиях, не связанных с Целью, выглядит равнодушным, замкнутым или циничным. В Системе занимает первое место по вероятности стать Знаменателем.

Логика – элемент системы, обладающий самым рациональным мышлением. Легко выстраивает причинно-следственные связи, склонен к анализу и самоанализу, успешно классифицирует собственные эмоции. Имеет синтетический или аналитический склад ума. В Системе занимает второе место после Осознания по вероятности стать Знаменателем.

* * *

У Даныки была отличная машина, которую я не стеснялась использовать в личных нуждах вместе с водителем.

Мы прокатились по магазинам, купили маме подарок на предстоящий юбилей, а потом завалились к нему – там быстро закончили последнюю лабораторную и уселись смотреть фильм. Это был самый обычный день из сотни подобных, но с едва заметным отличием: Даниил выглядел немного задумчивым и разговор о новичке поддержать не захотел. Видимо, вошел в свое обычное состояние, при котором терпеть не мог обсуждать знакомых, уподобляясь сплетницам на лавке. Сказал только:

– Вик, возможно, он положил на тебя глаз. Но ты в омут с головой лучше пока не бросайся. Для начала, что за человек.

Я легко отмахнулась:

– И не собиралась!

Я лукавила. Данька, вероятно, уловил мою первую реакцию на новичка и оттого сделал выводы, даже не подозревая.

Скорее всего, Штефан на самом деле мною заинтересовался, поскольку на следующее утро в институте снова подошел.

– Мы можем поговорить? – В Германии, наверное, не принято здороваться. – Наедине.

– Нельзя, – опять ответил за меня Даня, а.

Штефанне настаивал. Но после этого я внимательнее следила за другом. Если мы и раньше держались рядом, то теперь как-то само собой выходило, что я не оставалась без присмотра Даньки. Даже когда на перемене под села к девчонкам поболтать, он оказался рядом. Создалось ощущение, что таким образом он мешает Штефану поговорить со мной один на один. Хотя того и рядом-то не было. Потому девчонки закономерно переключились на самую интересную тему:

– Хорошенький-то какой! Но вы слышали, как он отвечал на нелинейных динамических системах? Дебил, что ли? – начала Ксюша.

– Может, еще не адаптировался? И в вузах же отличается программа. А он разницу-то сдал? – попыталась оправдать новичка Катя.

– Он не дебил, – заметила уравновешенная Ольга. – Такое чувство, что он выбрал не свою специальность. По кибернетике ведь неплохо ответил! Как если бы он... – она задумалась ненадолго, – изучать это начал совсем недавно и какими-то кусками...

– Что? – неожиданно вмешался Данька и тут же сам себе задумчиво ответил: – Точно.

На него девчонки внимания не обратили, потому что имелись темы поинтереснее, чем системность знаний Штефана. Ксюша наклонилась вперед и заговорила тише:

– Я слышала, что у него родители – супер-пупер дипломаты! Может, в посольстве работают. И не странно ли, что они своего избалованного сыночка запихнули к нам, а не куда-нибудь в МГИМО?

– Да где ты это слышала? Никифоров с программирования сказал, что он вроде бы сюда из Питера перевелся. Они давным-давно в России живут и никакие не дипломаты!

– А лаборантка на физике сказала, что он у нее попросил список литературы с первого курса!

– Ну и что? Если у них программа была другая...

Я потеряла интерес к трепу, потому что тот уже ходил по кругу, да еще и щедро разбавлялся непроверенной информацией. И сделала вывод, что окажись новичком прыщавый ботан в очках с роговой оправой, никому из них и дела бы не было до его странностей. А тут такой экземпляр попался – сам по себе интересный. Вызывающий желание обсуждать его, даже когда и обсуждать-то нечего.

Сам он будто всеми силами пытался произвести плохое впечатление. Наташка на следующий день рассказала, как запнулась на лестнице и упала. А Штефан, который шел следом, перешагнул через нее и даже не обернулся. Сцена эта даже в пересказе выглядела вопиюще. Конечно, никто не обязан бросаться на помощь каждому, как это делает Даниил Романов, но и подобное ни в какие ворота не лезет. Особенно для человека, который только что явился в коллектив и должен был озаботиться собственной репутацией. Или у них там, где-нибудь в Лейпциге, принято вести себя по-свински? Сам он ни с кем не общался, на вопросы отвечал предельно кратко и с ощутимой долей негатива, мол, отстаньте, вы мне неинтересны.

Одна из подобных сцен случилась у меня на глазах. Наш одноклассник Никита, по обыкновению прямолинейный и бесхитростный, подошел к Штефану и сказал:

– Эй, новичок! Тебе не кажется, что ты зарываешься? Почему Танюше нагрубил?

– Кто из них Танюша? – Штефан только взгляд от конспекта оторвал, но не удосужился даже позу сменить.

Никита на секунду обалдел, но потом уперся руками в стол и заговорил злее:

– Ты тут учишься уже с неделю, но не знаешь даже своих одногруппников? Вот, – он показал в сторону, – Танюша! Танюша, познакомься, это мудака. А вон там Наташа. Наташ, помаши мудаку ручкой. А прямо перед тобой сидит Костя. Штефанидзе, ты помнишь Костю?

– А зачем мне помнить Костю? – почти вежливо поинтересовался Штефан. – Если мне понадобится Костя, я подойду к Косте. Поэтому я знаю тех, с кем взаимодействовал. И Танюше я не грубил.

Та охнула:

– Ну конечно! А не я ли к тебе с утра подошла и предложила помочь аудитории найти? И что ты ответил? «Лучше себе помоги! А то с такими ходулями ты до второго этажа можешь и не дожить».

Штефан кивнул:

– Было. И где тут грубость? По-моему, это забота. Ты же едва ходишь, смотреть страшно, как утка на коньках.

Никита сжал челюсть так, что желваки заходили:

– А может, тебе просто морду начистить? В качестве заботы и для лучшей акклиматизации? – он выпрямился и посмотрел на Даньку – извечного третейского судью в любых конфликтах. – Разве я не прав?

Мой друг вздохнул:

– Ты прав. Но морду никто никому чистить не будет. Если вам не нравится новичок – не общайтесь с новичком. Ну а ты, герр Беренд, напрасно выбрал себе такую роль. И перед Танюшей бы извинился.

– Танюша, извини, – неожиданно покорно и спокойно сказал Штефан, вызвав в остальных только недоумение.

Совсем общаться с ним не прекратили, и если он обращался с вопросом, отвечали. Но в большинстве случаев новичок стиль общения так и не изменил. После пары подобных эпизодов девчонки почти перестали обсуждать его персону. Всем хватило ума отделить привлекательную внешность от непривлекательной личности. Таким образом, Штефан Беренд теперь не считался завидной партией. И если это имя всплывало, то только при обсуждении очередных косяков.

В четверг на большом перерыве мы с Данькой спустились в кафе и хорошенько перекусили – нам предстояло надолго задержаться в институте. И у кофемашины я видела Штефана, который теперь к нам уже не подходил, но смотрел издали, точно натуральный маньяк! Всем грубит, а на меня смотрит, как на баварские колбаски вдали от родины.

После пар мы отправились в актовый зал. У нас сегодня имелась обязанность: присутствовать на репетиции первокурсников к Посвящению. Кто, если не Даниил Романов, сможет по справедливости отобрать лучших, а не любимчиков деканата? Кто, если не я, честно скажет в случае необходимости: «Отстой»? Поэтому наша неразлучная парочка часто попадала в подобные оргкомитеты.

До начала репетиции оставалось минут сорок, и один из кураторов утащил Даньку, чтобы обсудить детали выступления его группы. Впервые за несколько дней я осталась без присмотра. Поэтому даже не удивилась, когда рядом тут же нарисовался Штефан.

– Давай поговорим.

Я посмотрела на его профиль – на этот раз новенький ко мне не повернулся. И снова в груди ёкнуло. Симпатичный парень, ничего не скажешь. Но причина волнения была другой – он ассоциировался у меня с чем-то привычным, если не сказать родным. Но эта иррациональная эмоция была быстро отмечена.

– Спрашивай, – сказала я. Вряд ли маньяк примется за свои маньячные дела в таком многолюдном месте, как институтский актовый зал.

– Na gut[2 - Na gut (нем.) – ну хорошо; ладно.], – он задумался. Странно, что он только теперь начал придумывать тему для долгожданного разговора. Или сразу собирался лепетать что-то на своем нерусском? – Насколько близко ты знаешь

своего друга?

Ну ничего себе! Между этими двумя, кажется, вспыхнула непонятная страсть, а я тут вообще ни при чем!

- Очень хорошо знаю. Гораздо лучше, чем тебя.

- Ясно. - Уж не знаю, на самом ли деле так, но мне было совсем не ясно. - А тебе... не приходило в голову, что он подозрительный?

- И это говорит самый подозрительный человек из всех, кого я видела? - не удержалась я. - Если хочешь поговорить о Даньке, то лучше сделай это с ним самим.

- Но у нас с тобой больше шансов найти общий язык.

- С чего это вдруг?

Штефан не ответил, продолжая смотреть на свои руки. Я встала и направилась к выходу, не видя смысла в дальнейшей дискуссии. Он хотел заронить в мою душу сомнения в близком друге. Может, так выглядит ревность у маньяков? Я обернулась перед выходом - его уже не было, вышел в другую дверь. Неоправданное упущение, что при приеме в институт не требуют справку от психиатра. Я и сама не очень-то здорова, но хотя бы не веду себя настолько вызывающе подозрительно! Не лучшее ли доказательство наличия логики - а ведь логика на нашем факультете является обязательным атрибутом, если рассчитываешь тянуть предметы.

Эта задумчивая заминка и спасла меня. Или меня спас Чон Со, который сначала делает, а потом уже думает. Треск сверху заставил отскочить в сторону. После чего я с ужасом пронаблюдала, как тяжелая балка с грохотом рухнула вниз. Сверху летели щепки ломающегося дверного проема, я упала и отползла подальше.

Буквально через минуту меня окружила толпа - грохот тут же собрал студентов, оказавшихся неподалеку. Многие с открытыми ртами наблюдали картину разрушения, кто-то боялся подойти ближе, и только Даня тут же подлетел ко

мне, испуганно ощупывая ноги:

– Вик! Ты в порядке?

– Нормально, – отмахнулась я и с его помощью встала. – Меня не зацепило. Что это вообще было?

Штефан тоже стоял рядом с остальными, но даже не изображал испуг или сочувствие. Просто пристально смотрел на меня темными глазами, как будто пытался прочитать мысли.

Тут же рядом обозначился и преподаватель с синим от страха лицом. Неудивительно, если представить, чем все могло закончиться. Не остановись я, чтобы оглянуться, не сработай приобретенный от Чон Со инстинкт, руководство и прочая челядь этого вуза по миру бы пошла. Профессор дышать-то начал только после того, как убедился, что я самостоятельно стою на ногах. Но все равно потащил в медпункт и бесконечно переспрашивал, не вызвать ли скорую.

Из ранений у меня обнаружилась только неглубокая царапина на руке, да пятая точка ныла от неудачного падения. Я же оставалась спокойной – в таких ситуациях на первый план выходила личность Лии, которая подсказывала, что паника никогда и ничему не помогает. А в отсутствие опасности вообще лучше избегать лишних телодвижений. Поэтому произошедшее никакой внутренней тревоги во мне не оставило. Ровно до той секунды, пока я не начала анализировать.

Балка вряд ли крепилась непрочной. И такие объемные сооружения не рушатся за одну секунду – если бы там образовалась трещина, то обвал произошел бы после провисания. Вероятно, настолько длительного, что это бы заметили. Конечно, место теперь тщательно осмотрят и, насколько я могла судить, обнаружат или рычаг, или трос, который и позволил за мгновение обрушить заранее подготовленную конструкцию.

Я молчала о своих подозрениях, пока не получила подтверждение – так оно и было. Балку распилили и зафиксировали деревянной планкой. Кто-то дернул за трос и сорвал ее как раз в тот момент, когда я оказалась в эпицентре. После этого в институт вызвали полицию, но под подозрением оказались десятки человек, которые были поблизости. А поскольку найденная веревка была

длинной, то повернуть это могли и из актового зала, и из коридора, и из операторской будки.

Данька не отходил от меня ни на шаг, постоянно успокаивая. Наверное, моя заторможенность наталкивала на мысль о необходимости моральной поддержки. На самом деле я думала. О том, что рядом со мной незадолго до эпизода был только Штефан. Станный и подозрительный Штефан, у которого, как и у десятка других, тоже не нашлось железобетонного алиби. Конечно, полиция не делала никаких заявлений, но сама я чувствовала, знала, что меня хотели убить или покалечить. Не кого-то случайного, а меня. И главным подозреваемым логично стал тот, чьи поступки до сих пор были непонятны.

Кто знает, насколько я преувеличивала, называя его маньяком? Он преследовал меня с первой минуты знакомства. Потом состоялся бессмысленный разговор – словно парню хотелось поболтать, но темы он так и не придумал. И сразу после этого балка, подготовленная заранее. Эти мысли я озвучила только Дане. Он обдумал, кивнул, согласился, но предостерег, чтобы я об этом не распространялась – ведь если нет стопроцентной уверенности, можно оклеветать невиновного. В любом случае мне стоит держаться подальше от новичка и быть осторожной. Этот совет был лишним: теперь я до ужаса боялась, что Штефан в самом деле окажется маньяком.

Даня же подкинул и другую мысль: если некто хотел меня убить, то гораздо проще было организовать покушение вне института. И это правда, такая подготовка не оправдывалась результатом. Напрашивались два возможных вывода. Первый – цель не я. Какой-то психопат долго готовился, чтобы просто посмотреть, что выйдет. Второй – маневр был направлен на меня, но не для обязательного причинения вреда, такое можно сделать более простыми способами. Тогда для чего? Испугать? Посмотреть, как я реагирую? Показать кому-то, как я реагирую? На этом я прекратила строить логические цепочки, а то так, не ровен час, и в паранойю скачусь. А я и без нее сумасшедшая.

Следующие дни все в институте ходили словно пришибленные и строили теории заговора. В деканате меня слезно умоляли не писать жалобы во всевозможные инстанции – я и не собиралась. Институт я любила, да и у полиции сложилось мнение, что все было подстроено, а не стало следствием чьей-то безалаберности. Так какие у меня могут быть претензии к любимому учебному заведению? Сама я к Штефану не приближалась на пушечный выстрел, да и он оставил меня в покое.

Правда, через два дня уверенно направился к нашему с Данькой столу перед началом очередной пары.

– Больше я ни о чем с тобой разговаривать не буду! – уверенно заявила я, до сих пор не определившись со своим отношением к произошедшему.

– Я не к тебе. Даниил, мы можем поговорить?

Перевела удивленный взгляд на друга, но тот остался невозмутимым. И поскольку уже раздался звонок, кивнул:

– Поговорим. После пар. Вик, доберешься сегодня сама?

– Без проблем.

Одного часа и двадцати минут вполне достаточно, чтобы разработать план и воплотить его в жизнь. Как только преподаватель попрощался, я вскочила с места и схватила сумку.

– Ну все, Дань, до завтра. Разговаривайте тут, а потом мне все перескажешь, лады?

– Лады.

Я знала, что друг себя в обиду не даст. Даже маньяку. Но и сомневалась, что он мне обо всем расскажет. В отношениях этих двоих присутствовало что-то такое, чего я не понимала. Поэтому и решила не полагаться на дружескую искренность. Лучше потом извиниться перед Данькой и пережить терзания совести, чем остаться в неведении.

На следующий день я зашла в ту же аудиторию, чтобы забрать телефон. Вчера, когда Данька выходил делать доклад, я прилепила мобильник скотчем под крышку парты. Зарядки и объема памяти должно было хватить на то, чтобы записать даже двухчасовой разговор. Сам Даня на расспросы ответил только: «Кажется, он полный псих!» И больше ничего.

Прослушать запись я смогла вечером. И после этого поняла, что вовсе не сумасшедшая. Похлеще меня экземпляры найдутся.

- Зачем ты пытался убить Вику? – раздался голос Дани.

В аудитории стих шум, и лишь после того они заговорили. К счастью для меня. Ведь могли и другое место найти – в этом случае я ничего бы не узнала. Вероятно, они не доверяли друг другу настолько, не могли вместе куда-то пойти. Все-таки в институтской аудитории, если кто-то и начнет швыряться дверными проемами, выпутаться и привлечь свидетелей проще.

- Я не пытался, – ответил ему Штефан. – И почти уверен, что это сделал ты.

- Зачем? Мы проводим вместе столько времени, что если бы мне пришла в голову такая мысль... Неважно. В любом случае сама Вика уверена, что это ты.

- И ты наверняка приложил к этому руку, – усмехнулся Штефан. – Почему тебе так важно, чтобы она боялась меня? Не станешь же ты отрицать, что мешал моим попыткам поговорить с ней. И не ты ли предупредил одноклассников, чтобы не давали ее номер?

- Я, – неожиданно признал Данька. – Потому что думаю, у тебя не все в порядке с головой. И мне не нравится, что в твоей больной башке засела мысль о моей подруге. Я считаю себя обязанным защищать ее.

Штефан, кажется, тихо засмеялся:

- Допустим, так и есть. Допустим, вы правда друзья, а я все придумал.

- Что придумал? – задал Даня тот вопрос, на который я сама хотела бы узнать ответ. – Что вообще происходит, герр Беренд?

Голос того стал слышен отчетливее, наверное, парень пересел ближе или наклонился:

- Ты хочешь от меня откровенности, но сам ничего не скажешь, ведь так? – Пауза. – Хорошо. Я расскажу тебе кое-что. Если ты в самом деле не в курсе, то

просто убедишься, что башка у меня совсем больная.

- Ну же, рассказывай! - нетерпеливо поторопил Данька, а я перевела колонки на полную громкость, хотя и без того было прекрасно слышно.

- Система состоит из шести элементов. Вика - Логика. И она не представляет, что происходит. Догадывается, конечно, но не понимает до конца. И не поймет, если ей прямо об этом не рассказать. Своим ощущениям не поверит. Логика не склонна верить ощущениям, она принимает только то, что доказано.

Я нервно рассмеялась от такого странного и неточного описания моего характера, но голос у Даньки оставался спокойным:

- Логика? А ты тогда кто? Кретинизм?

- Осознание. Но я уверен, что ты и сам догадался. И у меня не было ресурсов, чтобы добраться до нее раньше. Но мой дед был русским, повезло. Я знал, где искать, однако мне стоило немалых трудов оказаться тут хотя бы сейчас. Ты же нашел ее раньше. Зачем и каким образом? Я не верю, что вы оказались рядом случайно.

- Что за бред ты несешь? - поинтересовался друг, но в интонации не звучало любопытства. - Какая еще логика, какое осознание? Кто кого нашел?

Штефан будто и не услышал его:

- Но меня интересует другое: кто ты? Ты не из нашей Системы.

- Солнечной? - несмотря на всю абсурдность разговора, Даня чувства юмора не растерял. - Межгалактической?

- Системы Знаменателя, - спокойно ответил безумец. - Но я чувствую в тебе ту же энергию, что и от других элементов. Кто ты? Другая Система? Я думал, это невозможно.

- А мне интересно, - Данька проигнорировал вопросы, - почему ты все это мне говоришь, а не Вике? Мог бы эту ересь и в моем присутствии нести. Я-то думал,

ты на нее с поцелуями и удавкой кидаться начнешь.

- Она не должна ничего знать. Стать Знаменателем можно только после смерти остальных. И я пока не уверен, что она не захочет им стать. Так кто ты, Даниил?

Я услышала какое-то движение, возможно, один из них встал. А потом тихий шепот – неразборчиво, даже говорящего определить невозможно. И как бы я ни вслушивалась, сколько раз бы ни отматывала назад – ровным счетом ничего уловить не смогла. Это Штефан сказал очередную глупость Даньке на ухо, или Даня ответил нечто, после чего разговор продолжать было бессмысленно?

На этом все. Вывод простой: с головой у Штефана полный капут. Но и что-то в словах «Система состоит из шести элементов» заставляло бесконечно мысленно возвращаться к этой фразе. Я вспомнила о яростном Чон Со и тихой Лие. Штефан назвал меня Логикой. А что, если и у двух моих субличностей тоже подобные имена? А что, если они на самом деле существовали, а после смерти стали частью меня? Стали ли они и частью Штефана, раз уж он «в нашей Системе»?

Я всегда знала, что сумасшедшая, но только теперь по-настоящему испугалась этого понимания. Почти до утра я лазила в интернете по ключевым словам «система», «знаменатель», «логика», «осознание» и, естественно, ничего толкового не нашла. Потому что это были общие термины, встречающиеся повсюду. Настолько простые и привычные, что никакого дополнительного посыла обнаружить по ним было невозможно. Единственным, за что зацепился взгляд, оказалась фраза в блоге, где обсуждались достижения науки. И там некий аноним назвал Джеймса Уатта Знаменателем. Может быть в другом значении, но теперь я досконально исследовала биографию этого ученого.

Ничего необычного. Кроме того, что Джеймс Уатт отличался исключительной невезучестью: при завидных мозгах он нищенствовал, занимался мелкой подработкой и словно был обречен кануть в небытие, как и миллионы таких же неудачников. Но его жизнь изменилась в одночасье – как будто переписали. Или... дополнили. После этого он вступил в выгодное партнерство, начал заниматься исследованиями, которые потом изменили картину мира до неузнаваемости. Особенно меня заинтересовало упоминание многогранности его личности, казалось, во всем он отличался глубокими познаниями. Да и модели паровых двигателей неоднократно создавали до него, но посмотрите-ка, история человечества резко изменилась именно после его разработки! Был ли Уатт гениальнее Ньюкомена и прочих своих предшественников? А может, все

дело в том, что он был Знаменателем, личностью, которая способна организовать промышленную революцию или подобное по грандиозности событие? А как же другие ученые, которые тоже в этом деле поучаствовали? Они были Знаменателями или помощниками в истории?

Все эти рассуждения имели бы смысл только при уверенности, что я не додумала детали сама для заполнения пробелов.

Глава 3. Рациональность и целеустремленность

Система образуется в момент рождения и распадается таким образом, чтобы каждый элемент развивал свое первостепенное свойство в самых благоприятных условиях.

После смерти элемент передает свою способность остальным элементам Системы, поделив на всех.

При прочих равных условиях способность выражена тем сильнее, чем дольше она развивалась в рамках одного элемента. Поэтому смерть элемента в раннем детстве или неблагоприятные для развития способностей условия плохо сказываются на итоговых характеристиках Знаменателя.

* * *

А после этого Штефан пропал. Вот уже пять дней кряду он не появлялся в институте. И я начала скучать. Все же привыкаешь к ощущению, что на тебя постоянно кто-то пялится, а чтоб уж совсем весело было, рушит дверные проемы. И без этого стало чего-то недоставать.

Ксюша уже на второй день предположила, что «дойч красава» наконец-то осознал, что тутошнюю программу не тянет, и потому решил найти своим мозгам более удобное пристанище. Она так печалилась по этому поводу, что мы снарядили старосту в деканат выяснить подробности. Оказалось, что Штефан документов не забирал, а потому вернется. Эта новость меня совсем уж нелогично обрадовала.

Но от сумятицы в мыслях спас Данька, привнеся в них еще большую путаницу. В пятницу мы ненадолго засели в баре, чтобы отдохнуть после отлично защищенной типовой, и там он вдруг спросил:

– Вик, а ты никогда не думала, что мы могли бы встречаться? Вряд ли я найду кого-то, с кем мне будет так же легко. И уж точно ты не найдешь кого-то лучше меня.

Он рассмеялся своей шутке, этим скрывая волнение, а я слегка опешила. Нет, ну это просто уму непостижимо! Я об этом столько раз думала, что уже и считать устала. Именно так должна была закончиться наша дружба, чтобы началось нечто более близкое. Это было предсказуемо, с какой стороны ни глянь. И, несмотря на всю ожидаемость, предложение прозвучало громом среди ясного неба! Так и захотелось переспросить: «Почему сейчас? Почему не раньше и не позже? А именно тогда, когда на краю моего сознания другой?» Его предложение можно было бы отнести к ревности – ведь часто бывает, что ценное замечаешь только в тот момент, когда оно ускользает. Но ведь Данька с легкостью игнорировал все мои отношения, некоторые из которых уж точно выглядели посерьезнее, чем секундный ступор, когда я впервые увидела Штефана. Так что дело не в ревности, но все равно это сейчас совсем неуместно. К счастью, я всегда гордилась рациональностью своих поступков, поэтому, вместо всех этих вопросов, ответила:

– Думала! И пришла к тем же выводам.

Данька улыбался.

– Тогда давай сюда руку. Мы оба не пожалеем.

И только вечером я окончательно поняла, что теперь все неизбежно изменится – и не факт, что в лучшую сторону. Данька поцеловал меня в щеку на прощание, а между нами до сих пор даже такого не случилось. И имею ли я право продолжать называть его Данькой, или стоит придумать более романтическое обращение? Даня, Даниил, Даниил Александрович, милый, любимый... Нет, пусть пока остается Данькой, нельзя так сразу всё менять.

Страсть между нами не могла разгореться мгновенно после изменения условий. Если мне раньше не хотелось оказаться в его объятиях, то с чего такому желанию возникнуть сейчас? И я, и Данька были людьми холодного рассудка, а для подобных индивидуумов романтические всплески нетипичны. Такие, как мы, обычно выбирают не по принципу «на кого встало», а лучший из доступных вариантов. И если уж мы обнаружили подходящий, то вряд ли разбежимся из-за мелочи. Все предыдущие отношения я рвала легко, как только убеждалась, что мне без человека удобнее, чем с ним. А с Данькой это невозможно, потому что вот уже больше двух лет нам вместе очень комфортно.

Мама, услышав известия об изменениях в моей личной жизни, распетушилась донельзя. Неистовствовала от радости и даже не пыталась это утаить. Тут же позвонила отцу на работу и обеим сестрам, чтобы ввести в курс дела. И хоть тети мои Даньку никогда не видели, но очень сомневаюсь, что не знали до сих пор о его персоне во всех подробностях, как и о материнских надеждах. Мама в перерыве между звонками только сказала мне:

– Викуль! Ты за него держись! Даже если тебе когда-то покажется, что можно найти лучше, помни – тебе кажется!

Тут даже спорить было не о чем. Когда-нибудь я стану гениальным изобретателем кибернетических механизмов или запилю диссертацию на тему «Стимуляция самовоспроизведения ИИ в условиях дикой природы». И вместе с тем – или вместо того – могу захотеть спокойной семейной жизни. Желательно, счастливой. Желательно, с человеком, который без труда обоснует актуальность темы диссертации или сходу увидит ошибку в схеме кибернетического механизма. То есть желательно с Данькой. А уж если не захочу, то никто меня принуждать не станет.

В попытке проникнуться романтикой окончательно я открыла списки имен и попыталась определить, к какому лучше подходит отчество «Даниилович». Но в нежнейшую эйфорию так и не впала. Скорее всего, только потому, что имя у моего парня было не самым удачным с этой точки зрения. Хотя, если разобраться, то «Штефанович» – намного хуже. Утешилась мыслью, что «Виктория Романова» звучит превосходно и для титульника диссертации, и для таблички «главный ученый проекта». На этом успокоилась и отправилась спать.

В понедельник к обеду институт разделился на два лагеря: восторженных поздравителей и тихих завистников. Я и до того момента понимала, что многие

девчонки втайне надеялись, что Даньке осточертеет строить из себя монаха, и он наконец-то определится. Он и определился, вот только надеющихся особ его выбор не устроил. Я же с гордо поднятой головой наслаждалась, ощущая на себе мимолетные взгляды ненависти. Ведь именно они и подтверждали, что я приняла верное решение.

Наша же группа отрывалась по полной – там чуть ли не с первого курса ожидали чего-то подобного. А теперь даже кричали «горько!» В общем, вели себя не как умные люди, а как среднестатистические гуманитарии. Мы же с Данькой поддавались их настроению и целовались – без порнографических подробностей, но все же. И это было весело и приятно. Даже преподаватели на семинарах чуть чаще улыбались, вероятно, тоже заряжаясь от общей атмосферы приподнятым настроением.

Все мои предыдущие переживания оказались напрасными. Над собой не пришлось делать никаких усилий – я и до того постоянно находилась с Данькой рядом. А теперь, когда он держал меня за руку, привычная близость не могла стать неприятной. И казалось, он тоже ловил кайф от того, какими глазами нашу парочку провожал один из моих бывших. Кстати, с тем я давным-давно рассталась как раз из-за необоснованной ревности к Даньке – так пусть же не скулит, а радуется, что оказался прав!

Господин Штефан Беренд же изволили явиться в институт только в среду. Я не сразу заметила его присутствие, потому что со смехом вырывалась из объятий Даньки, которому приспичило именно в такой позе объяснить, почему я обязана вступить в секцию по политологии. Он этот вопрос поднимал уже несколько раз за последний год, но теперь посчитал, что аргументов стало больше: девушка должна его поддерживать не только в радостях. На секции, судя по его рассказам, царил невероятная скукотень, но его персону туда записали фактически силой и не отпускали. Ведь после его ухода разбежались бы остальные участники. Но я даже при возросшем количестве аргументов все равно не соглашалась. Лучше уж ждать его в библиотеке, чем строить из себя любителя подискутировать на политические темы.

И как раз в процессе этих уговоров я увидела, что Штефан стоит рядом и смотрит на нас. Так же внимательно, как до своего непонятого исчезновения, но без тени эмоций. Если он все-таки маньяк, то пусть знает, что теперь ко мне пути перекрыты! Если же сексуальный маньяк – тем более. Получается, что предложение от Даньки прозвучало в самое нужное время.

Но по поводу его интереса ко мне я наверняка ошиблась. Штефан смотрел пристально, будто что-то прикидывая в уме, но без малейшего раздражения. Как если бы он был исследователем, а мы – подопытными свинками. Неужели он на самом деле свято верит в некую Систему и относится ко мне как к ее элементу? И все его любопытство только тем и ограничивается? Естественно, я не стала рассказывать Даньке о записанном и подслушанном разговоре. Его мнение и без того было понятно, но вот сдавать свои методы слежки я пока не собиралась – авось еще пригодятся.

Штефан кивнул нам обоим, а потом развернулся и громко обратился к остальным:

– Предлагаю в эти выходные собраться у меня! Отметим... что-нибудь.

– Чего это вдруг? – озвучила Ксюша всеобщее недоверие.

Штефан ответил не только ей, а всем:

– Я как-то неправильно начал. Пытаюсь изменить.

Коллектив у нас был очень дружелюбным и на такой однозначный призыв о помощи не отреагировать не мог. К тому же девчонкам только и нужен был первый шаг навстречу, а парням – возможность покутить всей толпой, раз уж хозяин сам приглашает. После этого взялись обсуждать подробности, перешли к собственному каждому из нас планированию, а потом даже принялись шутить и смеяться. Штефан не успевал или попросту не умел реагировать на все адекватно, но теперь выглядел скорее зажатым и немногословным, чем высокомерным хамом. Мне же оставалось только удивленно разевать рот и переглядываться с недоумевающим Данькой.

– Дань, а почему он вдруг в доброжелательность играть начал?

– Ставлю свой будущий автомат по сопромату, что он в текущих обстоятельствах придумал единственный способ приблизиться к нам с тобой.

Штефан действительно чуть позже подошел и удостоверился, что мы не откажемся присоединиться к компании. Я об отказе даже не подумала, во-

первых, мне было интересно знать, где и как он живет. А во-вторых, если Штефан все-таки маньяк, то мы с Данькой единственные, кто об этом догадывается, а значит, вряд ли оставим друзей без присмотра. Странно подозревать, что убийца заманивает к себе сразу всю толпу, если собирается кому-то причинить вред, но и мотивы его теперь выглядели еще более непонятными, чем раньше.

Легенда о навороченных родителях-дипломатах с треском развалилась еще до того, как мы оказались в маленькой однокомнатной квартирке в Дегунино. Неплохой район, приемлемая для одинокого студента обстановка, но никакой элитарностью тут и близко не пахло. Мы с Данькой и еще двумя одноклассниками, нагруженными звенящими пакетами, добрались на такси и быстро сориентировались, куда двигаться. Внутри нас уже ждали некоторые торопыги, а тормоза будут собираться еще в течение часа. Так обычно и случалось, хотя мы уже давно не встречались всей группой. Возможно, именно поэтому гостеприимство Штефана и было воспринято с таким восторгом.

Девчонки накрывали на стол, парни организовывали сидячие места, мы же до сих пор осматривались. Штефан всеми силами пытался продемонстрировать кардинальные изменения своего характера:

– Проходите, проходите. Куртки можете бросить вот сюда.

– Квартира съемная? – зачем-то поинтересовалась я.

– Да, – ответил он так, будто и сам не был в этом уверен, а потом отошел к остальным, чтобы помочь.

Так-так-так. Если его родители не настолько богаты, чтобы оплачивать сынку любой бзик, то зачем приезжать из Германии в Россию и поступать в местный вуз? Там, что ли, специалистов по нашему профилю не готовят? Нет, понятно, если бы они сами переехали сюда жить... а так выглядит чистой воды глупостью. Это хорошо, что намечается безудержное пьянство. Отличное время, чтобы задавать неформальные вопросы.

Разгонялись, как всегда, долго и скучно, скованно подбирая темы для разговоров, но потом всё потекло легко и непринужденно. Уже через час все смеялись и перекрикивали друг друга.

- А помните, - звонко начала раскрасневшаяся Ксюша, - мы на первом курсе договаривались, что будем отмечать все дни рождения? Отметили три и забыли!

- Точно!

- Да просто не у всех есть возможность так часто собираться!

- У меня печень не выдержит!

- А мой сегодня-то кое-как отпустил...

- Надо чаще собираться!

- Точно!

- Особенно у Дани!

- Точно!

Данька тоже смеялся:

- Договорились, в следующий раз у меня. Но не надейтесь, что будет так, как в прошлом году. До сих пор стыдно соседям в глаза смотреть.

- А у тебя же день рождения в следующем месяце? - уточнила Оля.

И тут до сих пор молчавший Штефан заметно оживился:

- В следующем месяце?

- Угу. Семнадцатого, - ответил Данька, вероятно, тоже удивившись такому интересу.

Штефан задумчиво нахмурился и даже не расслышал Ксюшу, которой несколько раз пришлось повторить вопрос о его дате рождения. Ей срочно понадобилось

привести его психологический портрет в соответствие с гороскопом. Штефан мельком глянул на Даньку и наконец ответил девушке. Тихо, задумчиво... назвал мой день рождения.

- Да ладно... - не поверила я.

Но он не стал спорить и доказывать, а может, и не услышал. Или сделал вид, что очень заинтересовался гороскопом от Ксюши.

В принципе, нет ничего особенно удивительного в том, что дни рождения у кого-то совпали. Но только при условии, что этот человек не преследовал тебя, не вел себя странно и не пытался убить. Возможно, и не пытался, это только домыслы. Но преследовал! Несложно ведь узнать чью-то дату рождения и назвать ее, чтобы жертва не забывала о слежке. Или на самом деле совпадение? Но это как раз несложно потом проверить.

Ксюша потащила Штефана танцевать, он не сопротивлялся и даже улыбался. Если парень возьмет себя в руки и будет вести себя подобным образом дальше, то с легкостью заново покорит всех девчонок.

- Ich hasse shlampen[3 - Ich hasse shlampen (нем.) - я ненавижу потаскух.], - ласково обратился он к Ксюше, беря за руку. И выглядел при этом слишком милым для маньяка.

Остальные же, незанятые бессмысленными телодвижениями, наседали на коньяк и другие вкусняшки. Еще через час и мы с Данькой отождгли в танце, раз уж теперь являлись романтически настроенной парочкой, а потом снова уселись за стол. Я положила голову ему на плечо, а сама наблюдала за заметно повеселевшим Штефаном.

Сейчас его можно было бы назвать просто невнимательным. Парень часто не замечал, что обращаются к нему, нередко отвечал грубо, но тут же с улыбкой извинялся. Под натиском девчонок рассказал, что родители его остались в Бонне, где сам он прожил всю жизнь. Но дед был русским, поэтому и внука учил языку, когда тот еще в детстве выказал рвение. После этого равнодушно выслушал все заслуженные комплименты по поводу почти незаметного акцента. Даже показал несколько фотографий семьи на фоне непривычных для нашего взгляда зданий. По крайней мере, теперь многое объяснялось, но темных пятен

оставалось предостаточно. Например, он так и не удостоил ответа вопросы о предыдущем вузе и о том, почему именно сейчас решил перевестись. Но это могло быть связано с подпитием, что в случае Штефана выражалось во все более и более частом переходе на немецкий.

Так или иначе, но отношение к себе он смог изменить. Если это и было целью, то постарался Штефан на славу. Теперь даже довольно грубые обороты не воспринимались остальными в штыки – похоже, его начали видеть таким, какой он есть, делая скидку на иноземное происхождение и явное нежелание кого-то всерьез обидеть. Кажется, грубил он только потому, что не успевал задуматься о формулировке или не сильно заботился о том, как это звучит. И тем не менее оставался грубым и отстраненным:

– Как тебя зовут? Снова вылетело из головы.

– Катя!

– Катя, будь добра, отодвинься. Я тебя плохо переношу, даже думать мешаешь.

– Что?!

– Он хотел сказать, что сбивается с мысли от близости твоей офигенной груди! Немец, что с него взять! – пришел на помощь Никита.

– А-а-а...

– Штефан, а ведь в Германии лучшее на планете пиво! Ты любишь пиво?

– Я бы с твоим пузом перестал его любить.

– Где это у меня пузо?

– Ты прав, в Германии лучшее на планете пиво.

– А я что сказал?

- Штефан, а куда ты пропадал? Целую неделю в институте не появлялся!

- Mein Gott[4 - Mein Gott (нем.) – боже мой.], ну тебе-то какая разница? В смысле, домой ездил родных навестить. Теперь надо как-то догнать программу...

- Не волнуйся! Только позови – наверстаем! – девчонки умело брали красавчика в оборот, даже не стесняясь того, что со стороны их назойливость очень заметна.

Еще через час хамоватому нерусю объяснили, что вечеринка считается проваленной, ежели не было повторного похода в магазин. После этого вся толпа радостно собралась, чтобы совместить необходимость с прогулкой, а Штефан остался дома приводить стол в порядок. Ксюше, которая так и рвалась составить ему компанию наедине, сказал:

- Oh, Mann...[5 - Oh Mann (нем.) – о, блин.] Ты давай тоже со всеми, хоть немного от тебя отдохну.

- Я посуду помогу мыть! – Ксюша уже научилась не обращать внимания на его выпады и теперь так просто не сдавалась.

- Gehe schon![6 - Gehe schon (нем.) – иди уже, катись, топай.] Мне Даниил и Вика помогут.

Мы переглянулись и пожали плечами. Хотя прогуляться было бы неплохо, но больше хотелось пообщаться с хозяином вне шумной толпы, чего мы за весь вечер толком не успели сделать.

Данька носил со стола посуду, а я встала у мойки. Штефан занялся нарезкой того, что уже успели порядком подъесть.

- Наверное, я должен вас обоих поздравить? Или поздравлять в случае начала отношений не принято?

- Принято. Можешь поздравлять, – ответил ему Данька и отправился за новой порцией грязных тарелок.

– Тогда поздравляю, – сказал Штефан так громко, чтобы и Данька смог слышать.

Однако до сих пор был непонятен его интерес к моей скромной персоне, поэтому я развернулась и спросила напрямик:

– А ты с кем-нибудь встречаешься?

– Нет, – он тоже отвлекся от разделочной доски. – Давно уже.

– А почему? – решила я развивать тему. – Ты ведь очень симпатичный! Дойч красавица, как выражаются наши.

Снова вошедший Данька иронично изогнул бровь, но, судя по всему, для сцены ревности причин не нашел. Я же решила пояснить свое мнение:

– Уверена, это из-за твоего характера!

– Уверен, это из-за того, что мне было некогда, – в тон отозвался Штефан.

– И чем же ты так занят, герр Беренд? – с интересом вмешался в разговор Данька.

– Работал. Учился. Но больше работал.

– Была такая нужда?

Я совсем забыла о посуде, не желая пропустить разговор. Теперь Штефан отвечал только Даньке:

– Была. Я давно понял, что мне придется уехать из дома. Родители небедны, но и не настолько богаты, чтобы давать любые деньги, не услышав стоящих причин. Они мне помогли и сейчас помогают, но только после того, как убедились, что я серьезно настроен. Для этого и вкалывал.

– А зачем тебе нужно было уезжать из дома? – не выдержала я.

– У меня есть дела. В нескольких странах. Россию я выбрал из-за знания языка. Дальше будет только сложнее, но нужно было с чего-то начинать. Еще ездил во Францию... но всего на несколько дней.

Очень странно. Но сразу вспомнился их разговор в аудитории – если он верит в существование некой Системы, то приехал и поселился в России только для того, чтобы встретиться со мной? А потом отправится искать других? Зачем? Там что-то звучало про смерть. И самое главное, почему он так спокойно наводит на эти подозрения Даньку, но ровным счетом ничего не говорит мне? Если он столько сил приложил для того, чтобы убить меня, то почему я все еще жива? Если же не для убийства, то не пора ли и меня посвящать в Боннские тайны? Не выдав себя, я не могла задавать вопросов дальше, но и Данька не спешил развивать эту тему. Так и получилось, что мы замолчали и вернулись к работе.

Я терла пенной губкой тарелки, пытаюсь сосредоточиться. Слишком мало данных для анализа! Пока ясно только то, что сам он в легенду о Системе верит давно и безусловно. Даже если у него психическое отклонение, навязчивая идея, для самого Штефана это истина, ради которой он с детства перестраивал собственную жизнь. Настолько усердно, что даже родители прониклись и помогли финансово. Я для него не предмет романтического интереса, а часть этого психического отклонения, что может быть чревато осложнениями. Если он не только организовал переезд в другую страну, но и устроился в тот же вуз, значит, наверняка уже выяснил, где и с кем я живу. Но при этом никакого контакта вне стен института не было. А вдруг он следит за мной? По коже пробежала ледяная волна. Вдруг только и ждет подходящего момента? Но зачем тогда вообще нужен институт? И основной вывод: сам он твердо уверен, что меня нельзя посвящать в детали. Именно так он Даньке тогда и сказал. Он совершенно точно психопат, но опасный психопат или обычный сталкер, пока неизвестно.

После возвращения шумной компании веселье возобновилось. На этот раз я сама подошла к Штефану и, ухватив его за руку, потащила танцевать. Он удивился, но сопротивляться не стал.

Я была нетрезвой, как и все присутствующие. Как и сам Штефан. Потому и ринулась в бой, решив убедиться хоть в чем-то:

– Я нравлюсь тебе? В смысле романтического или сексуального интереса.

Данька тут нас расслышать не мог – этот вопрос я бы постеснялась озвучить при нем. Но сам Штефан так растерялся, что ненадолго застыл на месте.

– Нет, конечно. С чего ты взяла?

– Так из твоего странного внимания взяла, – я улыбалась и продолжала танцевать, чтобы остальные не увидели нашей заминки. – То есть совсем не нравлюсь?

Он задумался, но в глаза не смотрел. Да и, надо отдать ему должное, не прижимался слишком близко.

– Нравишься. Уверен, мы не можем друг другу не нравиться.

Мы? О чем он вообще? Якобы он мне тоже обязан нравиться?

– В сексуальном смысле? – уточнила я.

Он снова остановился и даже отодвинул меня, наконец-то посмотрев прямо.

– В сексуальном? Что ты несешь? Мы ведь ближе, чем сиамские близнецы. Это даже не инцест, это онанизм какой-то. – На этот бред я не знала, что сказать, поэтому просто молчала и хлопала глазами. А Штефан изменил тон: – Прости, я несу чушь. Сильно перепил. Mist! So ein Mist...[7 - Mist! So ein Mist... (нем.) – ругательство. Означает примерно «Дерьмо! Какое же дерьмо...»] Вика, ты мне интересна, но совсем не в этом смысле. И я бы очень хотел общаться с тобой больше. То есть и с Даниилом, конечно.

Было забавно видеть, как он старательно подчеркивал, что никакой интимности это желание общаться не подразумевает.

– Но пока тому нет никаких причин! Прости уж, пришелец, что сразу говорю и за Даньку, – я смеялась, но была удивлена его почти детской непосредственностью.

– Посмотрим.

Даня внимательно поглядел на меня, когда я шла на свое место, но спрашивать ни о чем не стал. Именно поэтому я и выбрала себе такого парня – лучший из лучших. И никаких лишних или непонятных слов.

Из остальной болтовни, уже часто по-пьяному бессмысленной, важным для дальнейшего анализа стал только один разговор. За Штефана снова принялась неугомонная Ксюша:

– Если описать тебя одним словом, то какое бы это было слово?

Парень, да и все остальные, смысла вопроса не понял. Тогда Ксюша попыталась выразиться яснее:

– Вот смотри, всегда на первый план выходит какое-то прилагательное. Одно или два. Что-то главное. Например, – она скользнула взглядом по всей толпе и остановилась на нас, – Вика... сдержанная. Даня – справедливый, равнодушный. Оля – добрая. Понял?

– Понял, – теперь Штефан улыбался уверенно. – Тогда Вика не сдержанная, а рациональная. Оля – скромная. Никита – прямолинейный. Катя – поверхностная...

Последний «комплимент» Ксюшу не заинтересовал, а Катя насупилась, но получила утешительный хлопок по плечу и неутешительный смех от Никиты.

– А я какая? – Ксюше это было очень важно узнать.

– Надоедливая, болтливая, – не задумываясь, ответил Штефан.

Ксюша замолчала, но тут вмешалась Оля:

– Тогда ты какой?

– Сам поверхностный! – это Катя ожила после шока.

– И самовлюбленный! – Ксюша тоже поспешила отдать дань справедливости.

– Замороженный! – вмешался и Никита.

– Отмороженный, – не выдержала я.

– Да просто странный, – поправил всех Данька.

Штефан же ответил, после того как все желающие высказались:

– Целеустремленный.

Это заявление все восприняли как незаслуженный комплимент себе, любимому. А я задумалась. Очень просто дать кому-то определение – то, что для тебя в этом человеке лежит на поверхности. Но самого себя описать одним словом невозможно. Зная себя изнутри, из тысячи граней человек вряд ли способен выбрать первостепенную. Но у Штефана, кажется, этот вопрос имел однозначный ответ.

Когда мы уже собирались уходить, то обнаружили Штефана на кухне в компании Ольги. Они вели какой-то тихий разговор, но замолчали сразу при нашем появлении, а девушка при этом заметно смутилась. Штефан зачем-то предложил нам остаться на ночевку. Мы отказались, попрощались и наконец-то вышли на свежий воздух.

Открывая дверцу такси, я замерла.

– Дань, а тебе не показалось, что Оля собирается там остаться? Никита с Катей тоже уже одевались, остальные разошлись...

– Возможно, – Данька пожал плечами, но тоже задумался. – У нее же парень есть?

Это была правда, наша Ольга встречалась с одним мутным типом с машиностроительного факультета. И не слыла легкомысленной девицей. Но если вдруг симпатия к другому нагрянула так неожиданно, то кто возьмется прогнозировать последствия? Я не собиралась выступать в роли полиции нравов, мысли путало другое сомнение:

– А если он действительно маньяк? – я даже не подумала о том, что это может прозвучать глупо. Шутки шутками, но дверной проем кто-то обрушил.

Даня рефлексивно посмотрел на окно. Потом снова повернулся ко мне и нахмурился:

– Это будет выглядеть не очень красиво, но мы можем вернуться. Посидим там еще, а потом уедем втроем. Или останемся на ночь, если она там собралась ночевать... Лучше уж так, чем узнать потом, что с ней что-то случилось.

В этой дилемме был только один правильный вариант. Та часть меня, что была унаследована от Чон Со, вопила: «Вернись! И дай им в рожу – и изменнице, и мерзкому хмырю! И Никите с Катей, пока они не ушли, за компанию!» Голос Лии звучал тише, но настолько же уверенно: «Успокойся. У ребят там, может быть, любовь намечается. А у тебя прогрессирующая мания преследования. Позволь им быть такими, какие они есть, не суди и не оценивай. Ну... при условии, что сама не ревнуешь».

Это последнее и запустило логику на полную катушку. Вдруг вспомнились сразу две вещи: «я хочу общаться с вами больше» и «целеустремленность». Я особо не дружила ни с кем из девчонок нашей группы, но если бы меня спросили, то подружкой в первую очередь назвала бы Ольгу. Если Штефан хотел общаться с нами больше, но причин для этого не находилось, то не самое ли логичное было замутить любовь с Ольгой? Если Штефан знал о наших опасениях на его счет, то сделал бы все возможное, чтобы мы забеспокоились о ней! При цели вернуть нас он все сделал до смешного просто. Целеустремленный, но не слишком-то изворотливый. Ему стоит постараться лучше, если он решил записаться в наши друзья так, чтобы это не выглядело притянутым за уши.

– Нет, Дань, поехали по домам. Он ничего с ней не сделает.

– Потому что тогда стал бы первым подозреваемым?

– Именно.

Данька продолжал хмуриться, но и сам не был уверен в том, что мы оба не параноики, поэтому согласился.

Глава 4. Сближение элементов

У Знаменателя есть Цель, которая сначала фокусируется на элементе Осознание. Цели могут быть разными, но всегда значимыми: от научной разработки до организации мирового конфликта. Не все Знаменатели вошли в историю под своими именами – их Цель далеко не всегда подразумевает публичность. Цель может быть отложена во времени или подлежать немедленному исполнению. Каждый Знаменатель чувствует, когда должен приступить к реализации Цели. Существует три основных теории происхождения человека: эволюционная, инопланетная и божественным вмешательством. Система Знаменателя вписывается в любую из них. Каким бы способом ни развивалось человечество, для направления развития требуются активные частицы – Знаменатели. Именно они ведут историю. Именно они совершают необходимые прорывы, не позволяющие эволюции остановиться.

* * *

Несколько дней спустя стало очевидно, что в предположениях своих я попала ровнехонько в десяточку. Ольга на парах сидела со Штефаном, да и на переменах они постоянно оказывались рядом: то в библиотеку направятся, то в столовой усядутся отдельно от других. И всегда со стороны такие отношения воспринимаются как «вместе», даже если они прилюдно не стаскивают друг с друга одежду и не поют громогласные серенады. Для ключевого номера шоу осталось только дожидаться, когда Ольгин мутный бойфренд с машиностроительного засвидетельствует эту недвусмысленную картину.

Но мутного бойфренда на горизонте видно не было, потому зарождению новой любви ничто извне не мешало. Если не считать Ксюшу. Та в первый день ходила заметно насупленная, во второй изливалась шуточками, которые новоиспеченная пара игнорировала, а на третий даже бросила Оле какую-то грубость на постороннюю тему. Ксюша не была злой, но, похоже, ее симпатия к Штефану оказалась сильнее, чем мне представлялось раньше. Сама Ольга заметно расстроилась, но от Штефана так и не отсела. А тому и дела не было до происходящего, что расстроило Олю еще сильнее. Вероятно, нам предстоят Звездные Войны с неперменной атакой клонов и Дарт Вейдером в лице бойфренда с машиностроительного.

И все бы ничего, в конце концов, я не вправе решать за других и прогнозировать последствия их поступков, но когда Оля подошла к нам с Данькой, мотивы Штефана стали немного яснее.

- Слушайте, а может, сходим куда-нибудь вчетвером?

- Двойное свидание? - Данька иронично улыбался.

- Это идея Штефана? - почти одновременно с ним поинтересовалась я.

Ольга покраснела.

- Ну... его. Но я вас прошу. Мне как-то неловко с ним, а компанией... это... уже... Помогите. Вы и так постоянно вместе, а нам...

Штефан ей нравился и довольно сильно. А вот нравилась ли она ему - вопрос огромный. Сам по себе он не особенно общительный человек, не умеет легко вливаться в коллектив или сблизиться с людьми. И Ольга становилась в этом смысле чуть ли не единственным связующим звеном с нами. Пошли бы мы на двойное свидание, не попроси нас Ольга лично о помощи, да еще так заметно тушуясь? Ответ очевиден. Пока я соображала, пялясь в затылок Штефану, который даже не соизволил повернуться в нашу сторону, Данька уже соглашался за нас обоих:

- Оль, не переживай. Сходим, конечно! Веселее будет. Но вот только я задам один вопрос - ты уж не сочти за наглость...

- Про Славу? - ну наконец-то и она вспомнила о существовании бойфренда. - Это все так... неправильно... Я поговорю с ним сегодня.

Данька только кивнул - не в его природе судить. Я тоже предпочла отмолчаться, прислушиваясь к тихому голосу Лии в своей голове. Чон Со же был в этом случае более категоричным: сначала разговаривают со Славами, а уж потом строят глазки Штефанам. Но, видимо, любовь нагрянула нечаянно - бывает. Однако если Штефан развалил эту пару только для того, чтобы подобраться к нам, если не испытывает к Ольге той же симпатии, что она к нему, то я дам Чон Со полную свободу действий!

Поведение самой Ольги было нелогичным, но это со многими случается. Она была тихой и рассудительной, никакой показухи или скандальности, но парня себе выбрала довольно заметного. А потом с легкостью сменила на еще более заметного. И еще более мутного. Похоже, это ее типаж. Дело даже не в смазливости, потому что ее «будущего бывшего» сложно было назвать красавцем, а именно в этой мутности. Чем мутнее, тем привлекательнее? Судя по всему, если в наш институт заглянет чувак в хоккейной маске и с бензопилой, Ольга сразу замуж за него побежит.

После этого разговора как-то само собой выходило, что мы теперь оказывались вчетвером. Не могли же мы возмущаться, когда Ольга вдруг о чем-то спрашивала или садилась рядом в столовой. Вместе со своей молчаливой партией, конечно. Тот продолжал внимательно смотреть и вслушиваться в каждое слово – не только мое, но и Даньки. Сам участия в болтовне почти не принимал.

К утру пятницы мое терпение лопнуло, и я первым делом отправилась к нашему куратору. Наплела, что мне срочно нужна дата рождения новичка, чтобы не прогадать с поздравлениями. И оказалось, что он не врал: родился весной, в тот же самый день, что и я. «Совпадение! – вопила логика, а потом менее уверенно добавляла: – Наверное. Скорее всего. Ну точно же, совпадение...» Я заставила себя на время отложить эту головоломку, потому что пока других фактов для анализа не нашлось. Просто привыкала к его обществу, хоть до сих пор не находила между нами ни одного повода для общения, кроме Ольги.

Дальнейшее развитие событий было. Нет, не просто предсказуемым, а абсолютно следствием предыдущих поступков. Данька запросто ответил Ксюше, когда мы собираемся на коллективную вылазку со Штефаном и Ольгой, стоило только той поинтересоваться. А зачем ему юлить? Тем более сама Ольга уже со своим парнем этот вопрос обсудила. Ксюша внутренней бури и не скрывала, а потому возобновила знакомство со Славой. Мы все с ним были знакомы, хоть и не слишком близко, а теперь только удивились, однажды увидев их вместе. Слава же, еще не отошедший от новости, что его так неожиданно бросает любимая девушка, впал в еще больший шок, узнав, что та и рога наставлять начала еще до расставания. Наверняка сама Ксюша ему эту страшную тайну и поведала. И поскольку в нашем культурном коллективе бить рожи дамам не принято, Слава нашел единственный способ замять эту историю и морально удовлетвориться. В общем, Штефан сам нарвался, и по законам всемирной справедливости не грех было и огрести.

Но только не в присутствии Даниила Романова! У него же гипертрофированное чувство справедливости. Мордобитию – нет! Мордобитию толпой одного – железное нет! Именно за эту черту я его так бесконечно и уважала. Но только не в тот вечер.

Сначала мы потусили в кафе, а потом совсем ненадолго переместились в ночной клуб. Танцевали, веселились, разговаривали – и все вопросы Штефана касались семьи Даньки и его путешествий по миру. Но это как раз странным не выглядело, ведь самые нейтральные темы для беседы. Отношения у них с Ольгой отнюдь не были платоническими, на что я подсознательно надеялась. Они не демонстрировали чувств, но пару раз за поцелуями я их все же застала. И не удивилась бы, узнав, что они в первый же вечер зашли дальше, чем мы с Данькой за все время. Но у нас страсть всегда стоит после рассудка – тем и гордимся. А эти двое были вольны идти другим путем.

Когда подъехали к дому Ольги, то сразу заметили ее бывшего. Он сказал только:

– Эй, немец, на два слова!

«Шлюхе» же было приказано отправляться домой. Штефан молча направился к Славе. Мы с Данькой тоже сразу вынырнули из такси и подошли к запаниковавшей подруге. Так и стояли у подъезда, убеждая себя, что неславный мутный Слава имеет право на разговор. Они ушли в сторону сквера, и когда оттуда раздались звуки и голоса, стало ясно, что там их совсем не двое. После этого Данька не мог не кинуться следом.

Я же пару раз вздохнула, потом подхватила трясущуюся Ольгу под локоть и пошла туда же. Постоять за себя я могла – да еще как! Но очень уж не хотелось делать это в мини-юбке и новых сапожках на шпильках. Потому подняла с земли палку, авось получится обойтись без применения ног.

Народу собралось ого-го! На стороне Славы я насчитала восьмерых. И тут дело явно было уже не только в Ольге. Недружелюбный Штефан вполне мог вызвать раздражение у машиностроительного факультета целиком. Скорее всего, Ольга стала просто последней каплей, объединившей под едиными знаменами этих молодчиков. Разговора-то мы почти не застали – так только, какие-то лозунги о «правилах приличия», «охренелости» и «чужом монастыре».

Штефан тоже с красноречием не заморачивался. В момент, когда мы подходили, он уверенно бил самого Славу, который ростом был на голову выше, но, упав на колени, растерял все преимущества. Данька находился дальше, в самой толпе, и тоже дрался... Я замерла. В том, как Штефан сжимает кулак, в том, как отводит плечо назад, было что-то до боли знакомое. Будто я многократно видела точно такую же сцену в каком-то фильме, запомнив каждое движение. Или даже сама...

- Чон Со, - позвала я бездумно и так тихо, что даже Ольга рядом вряд ли могла слышать. - Сзади!

Но Штефан каким-то чудом услышал. Он посмотрел на меня, а потом, не оборачиваясь, резко ударил локтем назад, попав в нос нападавшему. Этот удар был не просто отработанным, он был рефлекторным. И я сама в похожей ситуации ударила бы точно так же. Безумие! Я выронила палку, глаза застилала непонятные и беспричинные слезы. Я зажмурилась и потрясла головой.

Нашим парням помощь не требовалась. Данька от нападавших отмахивался легко, уверенно, при этом успевая читать нотации, утверждая, что «разговор, ребята, выглядит совсем иначе». «Ребята» уже через пару минут многое осознали и гневно ему отвечали. Но ведь это был всем известный Даниил Романов – никто из них не собирался с ним связываться, потому и дальнейшие беседы быстро сошли на нет. Никто сильно не пострадал, больше всего досталось самому Славе, но и у того отчего-то аргументов для дальнейшего разговора не нашлось. Они ушли довольно быстро, матерно выражая свое настроение.

У Штефана вырвали замок на куртке, и теперь он удивленно осмысливал этот факт. Данька подошел ко мне и о чем-то спросил – я не слышала, все никак не могла выйти из оцепенения. Ольга же осела на землю и отупело глядела перед собой. А потом, когда отошла, начала извиняться перед всеми. На Штефана даже глаза поднять боялась, но он сам неожиданно направился к ней, поднял на ноги, поцеловал в висок и что-то сказал на ухо. Если он с ней всегда такой милый, то, быть может, нет ничего удивительного, что она видит в нем человека, достойного ее влюбленности.

Теперь, накачанные адреналином, мы уже не чувствовали усталости и не хотели расходиться. Данька предложил завалиться к нему, и на это восторженно отозвалась даже Ольга. Вот и как при подобных обстоятельствах общаться со

Штефаном меньше? А может быть, он нарочно спровоцировал Славу или его одноклассников, чтобы сложилась именно такая ситуация?

Матери я по телефону сказала прямо: остаюсь на ночь с друзьями у Даньки. Она разрешила, но почему-то немного огорчилась. То ли тому, что «у Даньки», то ли тому, что «с друзьями».

Уже через час мы сидели вчетвером в шикарной Данькиной двушке в центре города. Разместились прямо на полу, распечатав, но не сильно налегая на знатное пойло, которое в баре у почти непьющего Дани водилось на любой вкус. И теперь, когда бурное обсуждение произошедшего закончилось, все наполнились умиротворенной расслабленностью. Это несложно, когда сидишь в тесном кругу прямо на полу.

Данька был чистюлей, но без педантизма. Обстановка в его доме выглядела скорее уютной, чем напыщенной. Я часто проводила тут время, но Ольга и Штефан поначалу с любопытством осматривались и опять вернулись к вопросам о родителях Дани. Он отвечал, а я ничего нового услышать не могла, поэтому просто лениво откинулась на диванную подушку и наблюдала за остальными.

Ольга. Девушка уже давно вышла из своего полуобморочного состояния и теперь подхватывала любую тему. Такие тихони, как она, обычно легко раскрываются в узком кругу друзей и даже становятся заметно болтливыми. Словно пытаются вывалить все, о чем так долго стеснялись сказать.

Данька. Мой милый парень каждый раз уводил разговор от драки. Чтобы Ольга снова не разволновалась. Но убеждал, что впредь следует быть осторожнее. Он не винил Славу, но подозревал, что тот от ревности может еще многое отчебучить. Он же предположил, что эта компания там оказалась исключительно по наводке Ксюши. И снова предупредил, что с той лучше не конфликтовать – она вряд ли подозревала, что ситуация обернется именно так. А ее очевидная уже для всех симпатия к Штефану угаснет сама собой. К тому же тот ей даже повода не давал. То есть Данька по обыкновению творил повсюду мир, ничего нового.

Штефан. Тот самый Штефан, которого я уже успела и в попытке убийства заподозрить, и назвать маньяком, и посчитать банальным грубияном. Сейчас же думала о нем, как об обычном городском сумасшедшем – странном, но

безобидном. Тот самый Штефан, который отреагировал на мое почти нечленораздельное «Чон Со». И снова в груди начал копиться ледяной ком, который иголками расходился по телу, вызывая дрожь. Мне было страшно. Ведь я и сама точно такая же городская сумасшедшая, раз до сих пор не могу убедить себя, что это всего лишь фантазия. К счастью, у меня давно вошло в привычку скрывать собственные странности. Правда, сейчас, особенно в моменты, когда мы со Штефаном пересекались взглядами, меньше всего хотелось молчать. Бесконечно подобное состояние переносить невозможно: рано или поздно меня разорвет от накопившихся вопросов, я схвачу его за плечи и начну трясти, выбивая ответы. А если те откажутся из него вываливаться – стану бить. Как Чон Со. И не факт, что Штефан не врежет мне в ответ. Как Чон Со. Забавный получился бы допрос... И тут так кстати вспомнилось: «мы ближе, чем сиамские близнецы». Внутри забурлило непонятным раздражением.

– Штефан! – я услышала свой голос и только после осознала, что перебила Ольгу. Но решила закончить вопрос: – А что ты делал во Франции? Ты как-то упоминал, что ездил туда.

– Отдыхал, – отозвался он уверенно.

– Нет-нет! – я не унималась, хоть и понимала, что такая внезапная смена разговора с ярко выраженным напором выглядит не к месту. – Давай-ка поподробнее! Когда ты там был?

– Два года назад, – он прищурился. – И в прошлом месяце.

Выходит, когда он пропадал из института на неделю, совсем не родню ездил навещать?

– Встретил кого-нибудь интересного?

Остальные молчали и переводили недоуменные взгляды с меня на Штефана. Он же улыбнулся, и мне показалось, что даже в темных радужках мелькнула насмешка. Ответил с вызовом:

– Встретил. Девушку по имени Аннет. Я не знаю французского, но она прекрасно говорит на немецком. Это было очень недолгое, но яркое знакомство.

Ольга охнула. Вероятно, решила поревновать к делам месячной давности, но меня совсем не интересовали его постельные похождения. Это имя мне ровным счетом ни о чем не говорило, однако всплыла какая-то связь этой француженки Аннет и моим ответом в школе на безупречном французском.

- Когда у нее день рождения? Не интересовался этим вопросом?

Вместо ответа он улыбнулся шире, а глаза стали совсем черными. Мороз в моем теле достиг кончиков пальцев, отчего они теперь нервно вздрагивали. И хоть он не сказал ничего особенно значимого, в моей голове словно начала вырисовываться какая-то картина.

- О-о! - вмешался Даня и взял у меня из рук рюмку. - Кому-то хватит пить. Народ, может, спать?

Я не спорила. Данька увел меня в комнату, а сам остался, чтобы застелить диван для гостей. Когда вернулся, я сделала вид, что уже крепко сплю. Мне не хотелось сейчас решать, готова ли я к началу более близких отношений. Вообще-то, готова, просто мысли в тот момент были заняты другим.

Зато парочка в зале времени зря не теряла, насколько я могла судить по сильно приглушенным звукам. И это тоже угнетало, хоть и непонятно, чем конкретно. В голове крутилась Аннет, но было сложно думать о ней, даже не зная лица. Она прекрасно говорит на немецком, как и Штефан на русском... И если я правильно поняла его реакцию на вопрос о дате рождения, она тоже является неким элементом некой Системы. Они что, все, кроме меня, полиглоты? Как будто свободное владение иностранным языком - это что-то само собой разумеющееся. Хоть бы кто-то шарил в математике или какой-нибудь химии! Я почувствовала себя обделенной.

Уже под утро я тихонько выбралась из комнаты. Штефан спал на спине, подложив руку под голову, а Оля очень уютно устроилась у него на груди. Через несколько секунд парень открыл глаза, будто почувствовал мой взгляд.

- So ein Mist![8 - So ein Mist! (нем.) - ругательство. Примерно соответствует «Вот же дерьмо!»] Ты меня напугала.

Ольга поморщилась во сне, а потом перевернулась на другой бок.

– Пойдем на кухню. Пообщаемся, – я старалась говорить тихо, чтобы ненароком не разбудить ее.

Он откинул одеяло, сел и обернулся на дверь в спальню. Я не хотела, чтобы при нашем разговоре присутствовал Данька, но Штефан озвучил и свое мнение на этот счет:

– Мне не очень-то нравится идея уединяться с тобой.

Я не стала отвечать и отвернулась, чтобы он оделся. Но парень явно не спешил, поэтому я снова уверенно шагнула навстречу, не обращая внимания на то, что он даже штаны еще не успел натянуть.

– So ein Mist, Штефан! Ускорься уже!

Он усмехнулся и наконец-то застегнул ширинку, а я уже не собиралась отворачиваться. Штефан был красив, почти безупречен... пока молчал. Но меня совсем не интересовал внешний вид нового парня Ольги.

– При желании ты могла бы командовать немецкой армией...

Он сказал это уже мне в спину, когда покорно плелся на кухню. Где-то я нечто подобное уже слышала.

Глава 5. Проблемы

История не знает примеров существования двух Знаменателей одновременно. Человечество не продуцирует разных прогрессоров в один период, как не подразумевает альтернативных путей эволюции общества. Но поскольку далеко не каждая Система сводится к Знаменателю, то по теории вероятности невозможно со стопроцентной уверенностью отрицать одновременного наличия нескольких Систем.

* * *

Штефан сел боком и уперся локтем в стол. Я встала в центре кухни, чтобы видеть его лицо, но он смотрел вперед и, кажется, вообще не был настроен на откровенные беседы.

– Ладно. Рассказывай! – начала я.

– Вика, мне нечего рассказывать, – он мельком глянул на меня и улыбнулся. – Что тебя интересует?

Но я была полна решимости – защита ему не поможет.

– Расскажи про эту свою Систему, про элементы! Все, что ты говорил Даньке.

На этот раз Штефан посмотрел на меня прямо, внимательно, не сумев скрыть удивления:

– Значит, я ошибся... Если он рассказал тебе обо всем, значит, я ошибся на его счет. Он не стал бы трепать, будь он...

И замолчал на самом интересном месте, как будто спохватился. Но это было хоть что-то, поэтому я сразу зацепилась за последнюю фразу:

– В чем ошибся? В Даньке? Почему он не мог мне рассказать? Что ты предполагал? – я задавала вопрос за вопросом, но он задумался и словно не слышал. – Штефан!

Парень вздрогнул от слишком резкого оклика, но быстро собрался и снова улыбнулся.

– Ничего. Всего лишь хотел проверить: расскажет ли, если попрошу молчать. Тест на характер.

Как-то неожиданно он увел разговор в другое русло. Но я не собиралась обсуждать со Штефаном моральные качества своего парня, как и упоминать тот факт, что узнала все совсем не от Даньки.

- Штефан! Зачем ты вообще ему это говорил?

Но уже по выражению его лица стало понятно, что я ровным счетом ничего не добьюсь – парень не скрывал иронии:

- Просто так. Игра такая. Мне сложно сходиться с людьми. Вот и решил примерить на себя роль безумца. Заодно и узнать, таков ли Даниил Романов, каким пытается казаться.

- Но это... глупо, – понимая, что он откровенно врет, я была вынуждена сделать хоть какое-то замечание.

- Глупо. И что?

Разговор зашел в тупик. Штефан сам надел маску сумасшедшего, искренне в этом признался и теперь будет упираться до последнего. А может, все так и было? Изобразить из себя идиота с таинственными мотивами – это тоже способ привлечения внимания. Способ нелогичный, но я давно привыкла к тому, что большинство людей решения принимают не мозгом, а каким-то иным местом, которое у меня, наверное, отсутствует. И в этой ситуации выходило, что единственной безумной оставалась только я! Но тут же на помощь пришел другой аргумент:

- Допустим. Но вчера, во время драки, я позвала тебя «Чон Со» – и ты услышал!

- Что я мог услышать в той мешанине? Я заметил, что вы подошли – испугался, разозлился... Это же какими дурами надо быть, чтобы лезть в драку? А что такое «Чон Со»?

Вот это уже звучало разумно. Он и в самом деле физически не мог уловить мой почти неразличимый шепот. Кажется, тут именно я в панике наделала нелогичных выводов.

- Допустим. А день рождения... ты ведь действительно родился со мной в один день! И потом буквально с первой секунды пытался со мной сблизиться! Разве нет?

Он покачал головой и усмехнулся:

- Когда подавал документы в деканате, твое личное дело лежало сверху. Заметил, что указана моя дата рождения, это довольно забавно, можно принять за хороший знак. И тогда же решил, что если с кем и найду общий язык, то в первую очередь попытаюсь с тобой. Гороскоп там, все дела... Ты веришь в гороскоп?

- Нет... - ответила я, но при этом думала совсем о другом.

- А вот Ксюша верит. Ты б ее послушала!

Он говорил еще какую-то ахинею, но теперь я даже не пыталась отвечать. Если отринуть все субъективное - а в этом я была асом, - то все складывалось именно так. Штефан был странным, даже подозрительно странным, но самым нелогичным его поступкам находилось сносное объяснение. По крайней мере, точно лучше, чем придумала себе я. Настоящие дикости: сны о Лии, Чон Со, мой безупречный французский на экзамене и спасение от насильников, - были исключительно моими! Штефан со своими причудами неплохо вписывался в водоворот безумств, и я начала додумывать несуществующие связи. Ну и каково это, Викуль, чувствовать себя главной сумасшедшей на районе? Теперь ты немного разочарована, что осталась без компании? Идиотка. Радуйся, что своим убогим умишком додумалась Даньку не впутывать - он бы нахохотался вдоволь.

Нет никакой Системы, никаких Осознаний или Логик. Нет никаких Знаменателей, а Джеймс Уатт изобрел паровой двигатель только потому, что был гениальным инженером и трудягой. Я самый обычный человек, не выходящий за рамки возможностей обычного человека. Как обидно привыкать к этой мысли. Снова.

- А балку... - я уже говорила с сама с собой. - Зачем ты пытался меня убить?

- Я не пытался! - он даже встал, чтобы подчеркнуть серьезность своих слов. - Конечно, ты вправе не верить, Вика, но включай уже свой отлаженный разум! Тогда мы с тобой говорили, ты пошла наверх, а я - в другую дверь. Чтобы подобраться к тросу, я должен был идти следом или успеть оббежать весь актовый зал за две секунды!

Точно, я обернулась и не увидела Штефана в зале, а это значит, он не врет. Можно ли физически успеть добраться до другой стороны и вбежать в операторскую будку за такое время? Вряд ли. А вот на всех остальных я в тот момент внимания не обратила. Он, главнейший мой подозреваемый, имел самое прочное алиби из всех, кто там был!

- Тогда... кто?

Он тоже задумался.

- У меня был один вариант, но он бы тебе не понравился. - Я сразу поняла, что Штефан имеет в виду Даньку, в тот раз он уже говорил нечто подобное. - Но поскольку он всё тебе рассказал... получается, у него нет мотива...

- А какая связь между его рассказом о твоём бреде и мотивом меня убить?

Штефан пожал плечами и прошел обратно в гостиную. Да нет, его оговорки совершенно точно содержали странности! Или мне просто подсознательно очень не хотелось оставаться странной в одиночестве.

- Штефан, подожди, - осталось выяснить последний момент. - Тебе на самом деле нравится Ольга?

Он замер вполоборота.

- Конечно. Но ты спросила так, словно она не может нравиться.

И правда, с чего я это взяла? Невысокая миловидная блондинка с замечательным характером. И мутным прошлым. Но людей без недостатков не существует. А я уже придумала невесть что.

А утром я смотрела на беззаботную и счастливую Ольгу, когда мы вчетвером за столом пили кофе, и ловила себя на мысли, что совсем немного ревную. Без злости, пошлых шуток и зависти, как это было у Ксюши, ограничиваясь одной только мыслью, что всё происходящее неправильно. Наверное, гороскопы не врут - и я чувствую какую-то общность с человеком, родившимся со мной в один день. Но при этом достаточно умна, чтобы понимать: эта общность отнюдь не

повод требовать, чтобы в данный момент Штефан вот так обнимал меня, а не ее. И при этом я все равно продолжала считать, что Ольге с ним очень не повезло. Вот такие парадоксы.

Психика у меня организована таким образом, что я способна подстроиться под любые обстоятельства – лишь бы было время для осмысления. Мой мозг умело отметал все аргументы, если они не вписывались в общую логическую цепочку. Все субъективное в анализ не включалось. На том и держимся. И благодаря тому я так умело скрывала от окружающих собственное сумасшествие и справлялась с возникающими проблемами. Все, что не поддается логике, искажает объективность восприятия, поэтому должно быть исключено. Но если нелогичных выводов становится слишком много, пора пересмотреть объективность. И этот печальный факт не позволил мне полностью позабыть свои сомнения.

И так как попытка понять происходящее через Штефана с треском провалилась, я решила сосредоточиться на других персонажах истории. Тут кстати вспомнился повышенный интерес Штефана к Данькиной биографии. Казалось бы, все это я уже многократно слышала, но почему бы не проанализировать первый вопрос, раз остальные пока недоступны? И уже через несколько часов странностей в моем арсенале заметно прибавилось.

Вот кто в здравом уме начал бы проверять данные, которые не подлежат сомнению? Допустим, знакомый говорит, что приехал из такого-то города, или рассказывает о других событиях своего прошлого – ты принимаешь это как факт. Если бы не Штефан со своим интересом и необходимостью занять хоть чем-то мозги, то я бы и не стала искать. А когда начала – удивилась. Отец Даньки, по его рассказам, был успешным бизнесменом: владел текстильной фабрикой и парой крупных магазинов. Мама – домохозяйка. Насколько я поняла, при доходах мужа она могла себе позволить круглосуточно делать маникюр и предаваться пустой болтовне. А уж когда единственный сын решил поступать в столичный институт, родители тут же купили ему квартиру в центре, очень недешевый автомобиль, да и расходы его не ограничивали. Я была тому свидетелем: хоть Данька никогда показательно не шиковал, но его благосостояние моментально становилось очевидно любому выходцу из семьи со средним доходом.

Так вот, в его родном городе обнаружилась единственная фирма, похожая по описанию. Я просматривала все статьи и упоминания, но нигде – ровным счетом нигде – ни разу не промелькнула его фамилия. Генеральным директором и

основателем назывался некий Доржиев. Вот про него я много чего нашла и даже откопала информацию о семье и двух дочерях. Конечно, я попыталась обнаружить какую-нибудь привязку к Даньке, но фотография пятидесятилетнего Доржиева, который оказался бурятом, однозначно свидетельствовала, что он вряд ли мог быть биологическим отцом моего светловолосого и сероглазого друга.

Дальше я уже искала упоминания любых лиц по фамилии Романов. И хоть фамилия эта очень распространенная, никого подходящего не нашла. Или Даня преувеличил состоятельность родителя, или тот предпочитал не светиться в СМИ. Ладно, предположим.

Но когда в процессе поиска я наткнулась на заметку четырехлетней давности, обмерла. Там рассказывалось о некоем выпускнике интерната № 2 для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Данииле Романове, который выиграл грант со стипендией на годовое обучение в США. Победа в таком конкурсе, да еще и сироты, настолько впечатлила общественность, что муниципалитет отвесил ему с барского плеча ноутбук и грамоту. Без подробностей и фотографий, просто заметка, которую, к моей удаче, не удалили из архива местного сайта. И эта новость рушила сразу несколько легенд. Из школы-интерната? В принципе, Данька мог и не желать распространяться о трудностях детства – такое случается. Погибли его родители или отказались от него, были алкоголиками или недееспособными инвалидами – причин, по которым подросток мог оказаться в интернате, множество. И далеко не каждую из них легко озвучить. Пусть так. Но ни одна из версий не смогла объяснить, откуда взялась московская квартирка и вполне себе немецкая машинка! Грант грантом, но это не «живые» деньги, которые раньше объяснялись донельзя богатеньким отцом. Данька говорил, что бывал в Америке с родителями, но никогда не упоминал об учебном гранте. И если после школы он целый год учился за границей, то должен быть старше нас. Или он по каким-то причинам не поехал? Руки у меня дрожали от волнения.

Если тот «Даниил Романов» и мой Данька одно лицо, значит, друг мне врал. Всем врал. Но, возможно, мы не имеем права осуждать за ложь. Или заметка о другом человеке. Больше ничего не нашлось, поэтому я постаралась не спешить с выводами.

На следующий день предложила Даньке на зимних каникулах вместе съездить к его родителям, мол, горю желанием познакомиться. Он с радостью согласился.

Опасения утихли.

Вечером сказала, что хочу пообщаться с его матерью хотя бы по телефону. Он ответил, что как раз сегодня та занята в благотворительном фонде. Через три дня я повторила вопрос – он опять нашел аргумент для отказа. Опасения разгорелись с новой силой. А что если он не относится к нашим отношениям серьезно и поэтому не хочет говорить обо мне родным? Это Данька-то и несерьезно? Хм... А что если нет у него никаких родных, и история про школу-интернат и грант – чистая правда?

Поступил Даня по бюджетному набору – и тут ничего удивительного: он был самым умным в нашей группе и, возможно, на факультете. По всем предметам, включая английский язык и прочие гуманитарные направления. Что-то я сомневаюсь, что в интернатах для сирот дают подобное образование. Даже если предположить, что некий одаренный парень, несмотря на все сложности, смог изучить английский на таком уровне, что его выбрали из сотен претендентов, то откуда отличные знания по физике, математике, информатике и даже истории отечества? Да интернат № 2 должен был бы стать самой элитной гимназией в стране с такой-то подготовкой! Но больше ничего хорошего я про учебное заведение не нашла, если слава о его блестящих учениках и гремела по стране, то совсем тихонько. Или этот Романов просто полный тезка, совпадение. Ведь Данька на каждые каникулы уезжал домой к родителям. Но домой ли? Как вообще я могу быть уверена, что он уезжал из Москвы? Не настолько уж маленькая деревенька, чтобы была нужда специально прятаться от знакомых. Почему его мама сюда ни разу не приезжала? Моя бы уже раз четыреста навестила. А та имела и финансовые возможности, и время для таких путешествий. Судя по последним событиям, занятой его родительница оказывалась только в те моменты, когда мне приспичивало с ней пообщаться. Теперь вообще ни один аргумент к другому не клеился.

А тут еще Данька заметил мое настроение:

– Вик, у тебя ничего не случилось? Несколько дней уже ходишь как в воду опущенная.

Я до сих пор не определилась, имею ли право задавать вопросы в лоб. Не разозлится ли он, узнав, что я с очевидным недоверием копалась в его прошлом? Я бы разозлилась. Особенно, если бы не хотела в это прошлое посвящать. Не закончатся ли на этом вопросе наши отношения? Мы два года были близкими

друзьями, но даже другу не все можно рассказать. Девушкой его я стала недавно. Вдруг он сам планирует признаться? Тогда лучше потерпеть, чтобы не испортить что-то важное в угоду любопытству.

- Да нет, - отмахнулась я. - Переживаю из-за Славы. Ладно, если он только Штефану накомит, но не сделал бы чего Ольге...

Данька нахмурился, но комментировать не стал. Мы и без того старались не оставлять Олю в одиночестве, но бывшего мутного больше ни разу не видели. Я понадеялась, что такая причина достаточна для объяснения моего состояния.

Со Штефаном я практически не общалась. То есть он, естественно, постоянно находился неподалеку от Оли, но никаких важных разговоров между нами не случилось. Так только, ни о чем или об учебе. Надо признать, теперь он вел себя сдержаннее и с остальными кое-как, но взаимодействовал. Зато вся наша группа потихоньку училась материться по-немецки. Ну как училась, сначала просто повторяли, потому что звучало забавно. Быстро выяснили: когда Штефан переходит на родной, то ничего приличного не выдает. Посмеялись и подхватили. И раз уж на нерусском, то можно и при дамах, и при преподах. К Штефану привыкали - быстро и основательно. Теперь ему не было нужды делать вид, что он лучше, чем есть на самом деле.

Ксюша почему-то стала игнорировать всю нашу четверку, будто мы увели у нее из-под носа Дойч красаву всем легиончиком. Как сильно меняет человека неразделенная влюбленность! Из легкомысленной болтушки сделала невыносимую зануду. Теперь Ксюша сидела отдельно и с тоской смотрела то на Штефана, то на меня. Интересно, почему меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

The Best Film I Have Ever Seen (англ.) – Лучший фильм из тех, что я видел.

2

Na gut (нем.) – ну хорошо; ладно.

3

Ich hasse schlampen (нем.) – я ненавижу потаскух.

4

Mein Gott (нем.) – боже мой.

5

Oh Mann (нем.) – о, блин.

6

Gehe schon (нем.) – иди уже, катись, топай.

7

Mist! So ein Mist... (нем.) – ругательство. Означает примерно «Дерьмо! Какое же дерьмо...»

8

So ein Mist! (нем.) – ругательство. Примерно соответствует «Вот же дерьмо!»

Купить: https://tellnovel.com/alekseeva_oksana/znamenatel

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)